

ЛЮДМИЛА ЛАПИНА

НЕВЕСТА МОНСЕГЮРА

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Людмила Лапина
Невеста Монсегюра.
Фантастический роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31727063

ISBN 9785449069870

Аннотация

Святой Грааль исполнил желания Лилианы и сэра Луиса: ее вернул в родной Санкт-Петербург XXI века, рыцаря, тоскующего о любимой девушке, отправил в будущее.

Содержание

НЕВЕСТА МОНСЕГЮРА	5
Часть первая	5
ЖАРКИЙ АВГУСТ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Невеста Монсегюра

Фантастический роман

Людмила Лапина

© Людмила Лапина, 2018

ISBN 978-5-4490-6987-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕВЕСТА МОНСЕГЮРА

фантастический роман

Часть первая

ЖАРКИЙ АВГУСТ

«... следы огня, брошенное оружие ближнего боя – мечи, кинжалы, щиты, пики, топоры и дорогие предметы, потерянные в хаосе битвы и панике пожара». Ляля поставила точку и отвернулась от экрана ноутбука. Вздохнув, она потеряла глаза и посмотрела в окно. Сквозь плавающий в зрачках темный прямоугольник она увидела пурпурную полосу зари на южной стороне неба. Летом светает быстро, но белые ночи давно миновали, уже август. Спать не хотелось совершенно, а писать она устала физически, хотя в ночной тишине мысль работала очень четко. После возвращения из средневекового квеста Ляля написала несколько статей – о рыцарях и дамах, трубадурах, вооружении, турнирах и нарядах, и они были опубликованы. Сейчас она работала над книгой о Высоком Средневековье, где анализировала рыцарские романы, песни трубадуров и куртуазные отношения при од-

ном из самых блестящих дворов Западной Европы – тулузском. В описываемое ею время главой его был Раймонд V, герцог Тулузы, коварно отравленный. Ляля познакомилась с ним лично, побывав в двенадцатом веке. Привез ее в Тулузу граф Луис де Монсегюр. Девушка закрыла глаза, сжала виски руками, отменяя воспоминания, но красивое худощавое лицо сэра Луиса стояло перед ее мысленным взором, как будто вырезанное лучом лазера на внутренней стороне ее век.

Прошел год с того момента, когда она последний раз видела рыцаря в подземелье замка Монсегюр. Он показал ей Святой Грааль, оказавшийся резной хрустальной чашей, а не золотой с драгоценными камнями, как она полагала. Подлинная святыня хранилась в подземелье высокогорного замка Монсегюр. Граф Луис, хозяин замка, проводил путешественницу во времени в крипту Монсегюра. У сакральной чаши доблестный крестоносец признался в любви девушке двадцать первого века, и впервые в жизни сердце ее откликнулось на пылкие мужские слова. После нежного поцелуя Ляля уже не захотела возвращаться домой, но реликвия разлучила влюбленных и мгновенно перенесла девушку из Лангедока двенадцатого века на дачу под Выборгом в веке двадцать первом. Ляля вернулась в ту же точку пространства и времени, откуда началось ее невозможное путешествие. Она оказалась дома, но рассталась навсегда с сэром Луисом. Весь первый месяц по возвращении домой Ляля рыдала

так, что родители испугались и требовали назвать имя соблазнителя. Она оглядывалась вокруг, но вместо высоких пиренейских гор в сияющих шапках снега видела лишь плоскую приневскую низменность. С недоумением она разглядывала северные сосны и ели, за месяц, проведенный в Лангедоке привыкнув лицезреть виноградники, пинии, кипарисы и пирамидальные тополя. В ушах ее постоянно звучала музыка виолы трубадура Пейре Видаля, и его божественный голос, напевавший «Белый шиповник». Запахи нагретой солнцем пыли высокогорных дорог, пролитой на них крови постоянно возвращались и иногда доводили до обморока. Особенно плохо девушке становилось в метро – спускаясь по эскалатору, двигаясь в потоке людей по подземным переходам, Ляля шептала: «Хочу домой». Но теперь она рвалась не к маме, как во время пребывания в Лангедоке, а вспоминала ночные прогулки по замку Монсегюр в поисках Святого Грааля, или темницу тулузского замка, где висел на цепях сэр Луис. Спуск в крипту высокогорного замка представлялся ей снова и снова во всех подробностях вплоть до запаха факела в руке рыцаря... и его нежный любящий взгляд...

Но постепенно девушка успокоилась и занялась учебой. Средневековое путешествие пошло ей на пользу – одарило бесценным опытом, и теперь она живо представляла то, о чем писала. С большим знанием дела Ляля могла теперь рассуждать о романском стиле средиземноморской средневековой архитектуры или нарядах дам двенадцатого века.

Она посещала мессы в белостенных церквях, жила в роскошном дворце и суровом замке, а длинные шелковые платья сама носила целый месяц. И сейчас, в двадцать первом веке, прекрасная южная страна стояла перед ее мысленным взором, но рассудок не пытался найти логического объяснения пребыванию в средневековом Лангедоке. Вот по телевизору говорят, что и под Инженерным замком в центре Санкт-Петербурга есть пространственно-временные ходы... Девушка инстинктивно понимала, что сойдет с ума, если будет думать об этом всерьез.

Прошел год. Ляля успокоилась. Раздирающая душу тоска по красивому рыцарю сменилась легкой печалью, как будто она прочитала роман-фэнтези с открытым финалом. Продолжения не будет. Герои расстались. Они не смогли бы быть вместе. Любовь... Ляля ехидно скривилась. Какая может быть любовь между средневековым рыцарем и девушкой двадцать первого века? Он давно мертв, а ей надо писать диссертацию. Ляля вздохнула. Пора спать, главу книги она окончит утром. Девушка сохранила написанное и выключила ноутбук. Теперь выпить кефира и можно ложиться. Она открыла холодильник и вынула пакет с любимым напитком. Взгляд ее упал на блюде с кошачьим кормом. Кот ушел гулять вечером, пора бы ему вернуться. Девушке не хотелось просыпаться и вставать с постели ранним утром, разбуженной громким кошачьим мяуканьем. А открыть дверь больше некому – сейчас она живет на даче одна с котом. Она спе-

циально осталась здесь, чтобы спокойно писать в одиночестве. Ей надо быть с утра свежей и бодрой, чтобы работать над книгой и завершить ее в кратчайшие сроки. Ляля вышла на крыльцо и позвала:

– Луис, Луис, иди домой!

Никакого ответа. Кот загулял. Девушка обвела глазами светлеющий горизонт и снова закричала:

– Луис! Луис! Кушать!

Под домом заскреблось, раздался глухой удар и крепкое выражение по-провансальски. Ляля год не слышала этот гортанный язык, но узнала мгновенно. У девушки потемнело в глазах, на подгибающихся ногах она слетела с крыльца и бросилась к южной стене дома. Согнувшись, оттуда выбрался человек, гибко распрямился и тихо охнул, подхватывая повисшую у него на шее Лялю. Ноги ее оторвались от земли, а руки обвили широкие плечи рыцаря. Он робко придержал ее за талию и произнес:

– Вы звали меня, донна Лилиана?

Она подняла голову с плеча рыцаря и мягко отстранилась. Он поставил ее на землю.

– Пойдемте в дом, милорд, – сказала она и пошла вперед, указывая дорогу. Инстинктивно девушка выпрямила спину и расправила плечи, держась, как привыкла в замке Монсегюр. Войдя в кухню, она щелкнула выключателем и повернулась к рыцарю. Он зажмурился от яркого света, но быстро открыл глаза. Молодые люди изучающе посмотрели друг

на друга. Через восемьсот лет граф де Монсегюр ничуть не изменился. Ляля нервно хихикнула и не смогла отвести глаз от внезапно вернувшегося в ее жизнь рыцаря. Золотоволосый, стройный, в коричневом кожаном колете, сапфир в рукояти дамасского меча сияет холодными синими искрами из-за широкого плеча, сэр Луис выглядит так же, как и в крипте Монсегюра, когда святая чаша разлучила их. Сейчас он закрыл собой входную дверь, и узкая кухня от его присутствия стала, казалось, еще меньше. Ляля с противным холодком в животе ощутила незримое присутствие грозных неведомых сил, опять свернувших время и пространство. Усилием воли сдерживая дрожь во всем теле, девушка выдвинула деревянную табуретку из-под стола и величественно произнесла:

– Присаживайтесь, монсеньор!

Он плавным движением шагнул к столу и сел, выпрямив спину, как будто восседал на хозяйском месте своего родового замка. Ляля убрала ноутбук со стола и присела напротив сэра Луиса. Он хранил молчание, потрясенный увиденным. Донна Лилиана, его исчезнувшая дама, почти невеста, внезапно нашлась. Да, это она, ее голос, лицо, походка, стан. Но что делает она здесь, в странном деревянном доме, в одежде, нисколько не приличествующей благородной девице – белой камизе, открывающей руки гораздо выше локтей, и грубых штанах, обрезанных намного выше колен? Граф впервые увидел ее стройные ноги, но, как благородный ры-

царь, тут же отвернулся. Глаза леди Лилианы в обливающем ее необычайно ярком свете казались старше и мудрее, чем в замке Монсегюр, темные тени усталости и печали подчеркивали их изумрудную глубину. Девушка перебросила шелковистую русую косу с одного плеча на другое, машинально передвинула пакет кефира и радостно сказала:

– Вы, наверное, голодны, мессир! Будете ужинать?

– Последний раз я пировал в своем замке вместе с вами, демуазель, и было это несколько часов назад, – ответил он. Ляля ухватила за край стола и пролепетала:

– Как несколько часов? Прошел год, как я оставила ваш замок!

– После пира я проводил вас в спальню, донна Лилиана, и очень удивился, увидев поздно ночью в часовне, – сказал граф.

– Я пришла помолиться... – слабым голосом произнесла девушка.

– Вы искали Святой Грааль, – печально сказал сэр Луис.

– Благодарю вас за то, что показали мне его, мессир, – твердо сказала Ляля и прямо посмотрела в глаза рыцарю. – Вы помогли мне вернуться домой.

– Это ваш дом? – удивился он.

– Это дача нашей семьи, а еще есть квартира в Петербурге.

– Представьте же меня вашим почтенным родителям, – попросил граф.

– Их здесь нет, – ответила Ляля. – Они уехали во Фран-

цию. Мама давно хотела посмотреть замки в долине Луары.

Родители и дочь звали в эту поездку, но она отговорилась срочной необходимостью поскорее закончить книгу. На самом деле Ляля боялась ехать во Францию, боялась, что воспоминания о невероятном средневековом путешествии сведут ее с ума. Во Франции не будет сэра Луиса...

– Луара... Там находятся замки моего родственника, короля Филиппа, – сказал граф де Монсегюр.

– Король Филипп... – протянула Ляля. – А, Филипп Август, современник Ричарда Львиное Сердце! Во Франции уже давно республика, монсеньор!

– Республика? – переспросил граф. Он не знал, чему сейчас больше удивляться – странному виду леди Лилианы или странным словам, слетавшим с ее розовых губ.

– Больше двухсот лет назад они отрубили голову своему королю, – сухо продолжала Ляля.

– И с тех пор во Франции республика?

– Нет, окончательное республиканское правление там установилось после падения империи Наполеона Третьего, в семидесятые годы девятнадцатого века, – сказала девушка.

– Какого? – выдохнул сэр Луис.

– Девятнадцатого, – повторила Ляля, и они растерянно уставились в глаза друг другу.

– А какой век сейчас? – замороженным голосом спросил граф.

– Двадцать первый, – спокойно сказала девушка и ахнула,

поднеся руку ко рту, но было поздно – роковые слова прозвучали. Она с жалостью посмотрела на рыцаря. Тень прошла по его суровому лицу, глаза на миг затуманились, но тут же их взгляд стал еще острее.

– И нас разделяет... – произнес он.

– ... восемьсот лет, – подтвердила девушка.

– Что ж, я, пожалуй, пойду, – сказал граф и встал с табуретки.

– Куда? – вскричала Ляля, вскакивая следом.

– Искать дорогу домой, – чуть улыбнувшись, ответил рыцарь. – Прощайте, донна Лилиана, – он поклонился, но она прыгнула и вцепилась в рукав его кожаного колета.

– Я не отпущу вас, – заявила она. – Куда вы пойдете? Вы не знаете, где находитесь, где ваш дом. Оставайтесь, а утром мы все обсудим!

Ее зеленые глаза умоляюще смотрели на графа.

– Останусь, если мое присутствие вас не стеснит, – ответил он.

– Я на даче одна, родители вернутся через две недели, – радостно сказала Ляля. Сэр Луис преклонил колено у ее ног и поцеловал руку. Платье, подол которого рыцарь мог бы поцеловать по средневековой привычке, декуазель не надела.

Ляля вздохнула. Жар поцелуя прошел по ее руке к сердцу, заледеневшему в разлуке с рыцарем, и разбудил извечные женские инстинкты – опекать, мыть, кормить.

– Пойдемте, я покажу вам, где можно умыться, – сказала

она. – А меч оставьте здесь.

– Простите, донна Лилиана, но в квесте я не расстаюсь с оружием, – ответил рыцарь и вышел из дома вслед за девушкой. Ему приходилось нагибаться, чтобы не цеплять эфесом меча дверные притолоки. Ляля провела его по дорожке к отдельно стоящему строению, где размещались ванна, туалет, стиральная машина. Включив свет, хозяйка показала изумленному рыцарю, как пользоваться душем и мылом, спускать воду, достала новую мочалку и бритвенный станок, предложила полотенце, приготовленное для себя на утро. Граф скептически приподнял бровь, увидев широкое пушистое полотенце с розовыми бабочками.

– Хотите, я принесу вам более легкую одежду? – спросила девушка.

– Такую, как ваша? – уточнил граф.

– Ну, в общем, да. Я принесу вам шорты и майку моего отца, – сказала Ляля.

– Что? – переспросил граф.

– Вот это называется майка, а вот это – шорты, – пояснила девушка, показывая на себе.

– Нет, благодарю вас, донна Лилиана, – ответил сэр Луис, удивляясь, как могут представители благородного семейства носить одежду простолюдинов.

– У папы много маек и шортов, весь шкаф забит, – сказала Ляля, показала защелку, закрывающую дверь ванной изнутри, и вышла.

Она поспешила в дом и развернула бурную деятельность. Чувство долга перед рыцарем, не раз спасавшим ей жизнь, повелевало принять его как дорогого гостя. Насколько он ей дорог, девушка предпочла сейчас не задумываться. Ляля распахнула холодильник и обозрела свои припасы. Негусто, ну ладно, завтра она сходит на рынок и закупит еды в расчете на здоровый аппетит графа – она помнит, сколько едят люди двенадцатого века. В морозилке ждали своего часа котлеты, пельмени, блинчики, оставленные заботливой мамой перед отъездом во Францию. Ляля схватила упаковку котлет – думала, ей хватит на четыре дня – включила электрическую плитку и бросила котлеты на сковороду. Застелив стол белой льняной скатертью, девушка быстро поставила фарфоровые тарелки, нарезала сыр, выложила из пакета половину нарезанной буханки хлеба, перевернула и выключила котлеты. Что еще? Салат – огурцы, помидоры, лук, зелень, майонез... Нарезая овощи, Ляля шептала слова песенки из старого кинофильма: «Увидев вас в столь поздний час, я рада вам, сеньор!» Девушка добавила к сервировке салфетки, столовые приборы, бокалы и вынула из холодильника бутылку сухого красного вина, оставшуюся после проводов родителей во Францию. Спohватившись, Ляля метнулась в спальню родителей и застелила их кровать чистым бельем.

Пробегая мимо большого зеркала, девушка увидела себя – раскрасневшуюся, растрепанную. Она вздохнула, поставила чайник на плитку и взметнулась в свою спальню. Здесь она

торопливо свернула волосы в высокую прическу, распахнула шкаф, выхватила первую попавшуюся кофточку, длинную юбку, брызнулась дезодорантом, слегка припудрила лицо и спустилась вниз. Чайник кипел. Девушка выключила его и со вздохом опустилась на свое место у накрытого стола.

Почти рассвело. Розовые, как в сказке, облака плыли по нежно-голубому небу, но электричество выключать еще рано. Ляля сама не заметила, как проголодалась от всех этих треволнений. Ей и в страшном сне не могло привидеться, что сэр Луис последует за ней сквозь века и пространства. А, может быть, его появление просто приснилось ей после усердной работы над книгой о Высоком Средневековье? Ляля перекрестилась и замерла. По крыльцу простучали шаги. Обострившимся от волнения слухом девушка уловила звон золотых шпор. Открылась входная дверь, и раздался стук в дверь кухни. Сглотнув, Ляля крикнула:

– Войдите!

Дверь распахнулась, и свежевывытый рыцарь шагнул через порог. Его влажные золотистые волосы, завившиеся в колечки, сияли в электрическом свете, как графская корона. Вошедшего встретили запахи еды и благовоний, а он застыл, разглядывая хозяйку, сидящую за столом. Теперь она выглядит более подобающе знатной даме, хозяйке замка – с высокой прической, в розовом платье, лиф которого сияет, расшитый драгоценными камнями.

– Садитесь, мессир, – сказала она и сделала приглашаю-

щий жест. На белой нежной руке не было драгоценностей. Граф выдвинул табуретку из-под стола и аккуратно присел, не снимая перевязи с верным мечом.

– Вы ждете еще гостей, донна Лилиана? – спросил он, окинув взглядом сервировку стола.

– Нет, а почему вы так решили, милорд? – удивленно ответила она.

– На вашем столе два кубка и две тарелки!

– Да, для вас и для меня, – пояснила девушка.

– Мы могли бы есть и из одной, – сказал сэр Луис, и Ляля вспомнила средневековый обычай «сидеть в блюде».

– В нашем доме достаточно посуды, – сказала девушка и встала, чтобы подать еду.

– А где ваши слуги, демуазель? – поинтересовался рыцарь.

– Сейчас я живу здесь одна, – ответила Ляля.

– Где ваши горничные, пажи, управляющий, кто охраняет ваш покой? – удивился граф.

– У нас нет слуг, а в дачном поселке безопасно!

– А кто приготовил эту еду?

– Я!

– У вас даже нет повара! – воскликнул изумленный рыцарь.

– Обычно у нас готовит мама, а когда она уезжает, готовлю я, – скромно сказала Ляля. Сэр Луис наблюдал за ее ловкими точными движениями и сочувствовал благородной деви-

це, вынужденной готовить себе еду. Неужели она сама носит дрова, разводит огонь в очаге, да и где этот очаг?

Девушка сняла крышку с горячей сковородки. Котлеты, аппетитные, румяные, скворчали крохотными капельками жира.

Ляля наполнила тарелки. Граф прочитал молитву и посмотрел, как хозяйка обращается со столовыми приборами. В левую руку она взяла странно порезанную на четыре острия ложку, ножом с закругленным концом отрезала кусочек котлеты и поднесла ко рту.

– Донна Лилиана, у вас нет ложки? – сочувственно спросил граф.

– Есть, – ответила она и недоумевающе посмотрела на него. – Подать вам ложку, мессир?

– Не надо, демуазель. А что вы держите в левой руке?

– Это называется вилка, – сказала Ляля и показала, как ею пользоваться. Молодые люди приступили к еде. Утолив первый голод, девушка потянулась к бутылке вина и обнаружила, что она закрыта. Ляля встала и подошла к буфету за штопором. Сэр Луис с одобрением взглянул на ее юбку, уже более приличествующую благородной девице – розовый струящийся шелк, расписанный цветами, яркими, как крылья бабочек, которых рыцарь видел на Востоке. Девушка со смущенной улыбкой протянула ему штопор.

– Пожалуйста, откройте, мессир!

Граф почтительно взял изящную закрученную спираль

на простой деревянной ручке.

– Надо... – попыталась объяснить Ляля.

– Я понял, – ответил он, двумя движениями вкрутил штопор и вынул его вместе с пробкой.

– У нас в семье папа открывает бутылки и разливает вино, – пояснила девушка.

– Позвольте, демуазель, – и граф наполнил бокалы, не разлив ни капли. – Я был пажом, – напомнил он удивленной девушке. Она взяла свой бокал и сказала:

– За нашу необыкновенную встречу!

Бокалы соединились со звоном. Граф сделал глоток и одобрительно кивнул.

– Знакомый вкус. Откуда это вино?

– Из магазина, мы иногда покупаем бутылочку, – ответила Ляля. – Это французское вино, а где сделано... – она взяла бутылку и прочитала: – «... произведено в регионе Бордо», – и добавила с лукавой усмешкой: – Оно из южной Франции, так же как вы!

– Я не француз и не говорю по-французски, – мягко ответил граф. – Это мой ученый дядя знает французский.

– А кто же вы? – вскричала изумленная девушка.

– Я житель Лангедока, говорю на провансальском языке! – гордо сказал сэр Луис.

«И тут распри Севера и Юга», – подумала девушка и сказала вслух:

– Попробуйте еще салата, мессир.

– Он превосходен, – вежливо ответил рыцарь и позволил хозяйке подложить ему еще овощей с майонезом. – Я узнаю вкус соуса, который пробовал на последнем пиру в моем замке.

– Да, рецепт один, – согласилась Ляля и спросила: – Так что же произошло в крипте Монсегюра после моего исчезновения?

Граф поставил недопитый бокал, серьезно взглянул на нее и ответил:

– Я подхватил чашу, сдвинутую вами с пьедестала.

Ляля покраснела и взволнованно спросила:

– Она не разбилась?

– Нет, я вернул ее на место, – ответил граф. Девушка перевела дыхание – ей вовсе не хотелось стать причиной гибели бесценной святыни.

– Слава Богу, – воскликнула она. Граф благочестиво перекрестился.

– Что было дальше? – спросила она дрожащим голосом. Сэр Луис продолжил рассказ о приключениях в подземельях родового замка:

– Свеча погасла, тьма разделила нас. Я рванул на ваш испуганный крик и обнял пустоту!

– Я была уже дома, – прошептала Ляля. – Как вы нашли меня?

– Я шел по подземелью, призывая вас, и вы откликнулись на мой зов.

Девушка хотела сказать, что звала домой кота, но прикрыла рот рукой и опустила ресницы. Рыцарь говорил:

– Я двигался в полной темноте, ваш крик звенел в моих ушах. Далеко впереди появился слабый свет, я пошел на него и вышел к вам.

Ляля задрожала. Для нее прошел год с памятного поцелуя в крипте Монсегюра, и девушка уже не тосковала так отчаянно по своему средневековому другу, а для него пролетело всего несколько мгновений. Их объяснение в любви и поцелуев для него случились только что, и он ждет от нее ответной нежности.

– Сэр Луис... – пролепетала она.

– Я сделал несколько шагов и попал в ваши объятия, донна Лилиана, – мягко сказал он. – И вы обрадовались мне.

– Да, – согласилась девушка. – Я думала, мы никогда больше не увидимся. Прошел год, я скучала, от вас не было никаких известий... – обвиняюще добавила она.

– Я спешил на ваш голос, зовущий меня, – нежно сказал он.

– Я... я не знаю, что делать, – медленно сказала Ляля. – Прошел год. Прошло восемьсот лет! – вскрикнула она, закрыла лицо руками и всхлипнула. Она опять попала в совершенно нелепую ситуацию – возлюбленный из двенадцатого века явился к ней в двадцать первый. Что ей делать с ним и его любовью? Принять – жалко себя и надежд на будущее, отпустить – куда он пойдет в чужом времени и пространстве?

Он погибнет, и она, Ляля, будет виновна в его смерти! Если бы она тогда не дотронулась до чаши... Не в силах что-либо решить, она отняла руки от лица, и ее влажные глаза встретились с синими нежными глазами графа Монсегюра. Он стоял перед ней на коленях.

– Встаньте, монсеньор, – устало сказала она и, холодея, вспомнила, что такими же словами подняла его с каменного пола в крипте, хранящей Святой Грааль. Тогда они поцеловались, благодарные за любовь, соединившую их сквозь века и пространства, но сейчас Ляля ясно понимала, насколько они разные. Рыцарь увидел, что взгляд дамы стал отсутствующим и холодным, как изумруд. Он встал, повинувшись ее просьбе, и вернулся на свое место. Раздавшееся в наступившей тишине рычание прозвучало оглушительно. Ляля вздрогнула. Рыцарь мгновенно загородил ее и с кинжалом в руке обернулся к источнику звука – высокому белому шкафу, стоящему в углу у входа на кухню. Ляля нервно хихикнула.

– Не бойтесь, донна Лилиана! – вскричал граф.

Ляля захохотала громче, выскользнула из-за спины рыцаря и отвела его руку с кинжалом.

– Этот предмет мебели называется холодильник, – сказала она.

– А почему он рычит? – растерянно спросил рыцарь.

– Размораживать пора, – пробормотала девушка, распахнула дверцу и продемонстрировала изумленному графу за-

пас продуктов. Он заглянул и за холодильник, но никто там не прятался.

– Это ледник? – осторожно осведомился путешественник во времени.

– Да, в нем хранятся продукты, – спокойно ответила Ляля, убирая со стола. Граф сунул кинжал в ножны на поясе и присел на свое место.

– Выпьете кофе, мессир? – предложила девушка.

– Да, донна Лилиана, – ответил он. Хозяйка взяла джезву и быстро сварила кофе. Божественный аромат поплыл по кухне. Ляля разлила обжигающий напиток в чашки, выставила на стол сахарницу, потянулась за шоколадом, но вспомнила, что съела последнюю плитку около полуночи. В глухую черную полночь она ела горький черный шоколад «Особый». Девушка вздохнула и выставила на стол еще не съеденные шоколадные пряники.

– Угощайтесь, мессир, – предложила она. Граф съел шоколадный пряник и одобрительно поднял бровь.

– Станный, но приятный вкус.

– Вы любите сладкий кофе? – спросила Ляля. – Вот сахар.

– Что такое сахар?

– Его делают из сахарной свеклы. Мне так не хватало его у вас, в двенадцатом веке! А еще я страдала без вилки, есть мясо и рыбу ложкой так неудобно.

Граф послушно положил в кофе ложечку сахара и размешал, не решаясь взять чашку в руки. Девушка взяла бе-

люю в синий цветочек чашку за аккуратную маленькую ручку и поднесла ко рту. Гость последовал ее примеру.

– На востоке пиалы делают без ручек, ручка – наше европейское изобретение, – пояснила она.

– Ваш кофе напоминает напиток, которым угощал нас в Тулузе ибн Джубейр, – сказал сэр Луис.

– О, милый улем! – вскричала Ляля. – Он очень мудрый и добрый. Я рада, что познакомилась с ним.

– Я восхищен вашей отвагой, миледи, и никогда не забуду, что вы освободили меня из темницы.

– Ваши раны! – вскрикнула девушка. – Зажил ваш ожог? – и она побледнела, вспомнив, как рыцарь в пещере разбойников бестрепетно прижег рану на своей груди.

– Благодарю вас, донна Лилиана, заживает, – чопорно ответил граф.

Девушка налила ему еще кофе и внезапно подумала: «Теперь до конца жизни я буду беспокоиться о его здоровье – сначала только он мог привести меня к чудесной чаше, а теперь он – мой гость!»

– Мне понравилось пребывание в вашем замке, – сказала Ляля. – Все относились ко мне очень хорошо, особенно ваш ученый дядя Бьорн. Он позволил мне вынести книгу из библиотеки.

– Вы понравились ему, демуазель, и он одобрил мои планы относительно нашего совместного будущего, – произнес граф. Девушка ахнула и прижала руки к груди.

– Какие планы? – пролепетала она.

– Им уже не суждено сбыться, – печально ответил граф. Ляля перевела дыхание и сказала с улыбкой:

– Сейчас очень поздно или уже очень рано? Мы обсудим все завтра, а теперь давайте спать. Я постелила вам в спальне моих родителей.

Граф улыбнулся – ведь и он предоставил спальню своих родителей донне Лилиане, когда она прибыла в Монсегюр на его руках. Граф перекрестился, благодаря за насытившую его пищу. Ляля повела нежданного гостя в приготовленную для него спальню, показала, как включать и выключать свет, как запирается входная дверь. Пожелав доброй ночи, она вышла – ей надо еще помыть посуду. Девушка не любила оставлять уборку кухни на завтра. Посуду она мыла, старательно тараща глаза – очень хотелось спать. В спальню на втором этаже Ляля поднялась автоматически, закрыла дверь на ключ, по дороге к постели сорвала одежду и с блаженным стоном рухнула на чистые простыни. В окошко мансарды заглядывало голубое утреннее небо, но девушка свернулась калачиком под одеялом и временно отключилась от всех забот.

Она очнулась, когда под одеялом стало жарко – августовское солнце щедро нагрело воздух. Ляля скинула одеяло и блаженно потянулась. «Чего только не приснится! Такая чушь – граф де Монсегюр сражается с холодильником и пьет кофе у меня на кухне!» Девушка вскочила с постели, акку-

ратно застелила ее и подошла к зеркалу. Смешной сон подарил хорошее настроение. «Схожу, искупаюсь, и за работу. Я закончу сегодня главу», – решила она, ощущая творческий подъем. Мурлыча веселую песенку, Ляля надела простенькое розовое бикини для купания в местном родниковом озере, накинула легкое парео и пошла к выходу. Дверь спальни оказалась запертой изнутри. Удивленно хмыкнув, Ляля повернула ключ и спустилась вниз. «Кот не вернулся!» – вспомнила она и подскочила к входной двери. Она оказалась открыта, ключ висел рядом на гвоздике.

– Луис, Луис! – закричала Ляля, распахнула дверь, выскочила на крыльцо и налетела на человека, сидящего на ступеньках. Он точил длинный двуручный меч, но, обернувшись на зов, вскочил и одной рукой подхватил падающую девушку.

– Осторожно, донна Лилиана, – нежно сказал он.

Она недоуменно уставилась в его красивое лицо и выдохнула:

– Так это был не сон.

– Увы, – невесело усмехнулся граф и разжал объятия.

– Давно вы проснулись, милорд? – спросила Ляля, отступив от рыцаря.

– Солнце было еще там, – он показал на восток. «Стояло над лесом», – поняла Ляля и сказала вслух:

– Часа два назад. И что вы делали, пока я спала?

– Воспользовался душем и заточил меч. Где крепость, ко-

торая охраняет ваше поселение?

– Ее не видно отсюда, – сказала Ляля. – Мы поедем туда завтра, если захотите.

– Как вам будет угодно, демуазель, – поклонился граф, отводя глаза – донна Лилиана стоит перед ним почти обнаженная, кутаясь в легчайший прозрачный шелк.

– Вы голодны, мессир? – тревожно спросила она.

– Нет, – спокойно ответил он.

– Тогда я пойду искупаюсь, позавтракаем, когда вернусь, – сказала Ляля и сбежала с крыльца. Горячий августовский воздух обрушился на девушку. Она пожалела, что не надела черные очки и шляпу, но не стала возвращаться. Ее пугала встреча с рыцарем, оставшимся дома. Девушка, задыхаясь, бежала по дороге к лесному озеру. Оказывается, ночное появление сэра Луиса на даче не привиделось ей в смешном сне. Теперь это реальность, с которой придется считаться. Что делать рыцарю в двадцать первом веке? Надо скорее отправить его домой, в Монсегюр. Но как?

Ляля влетела в сосновый бор. Легкий ветерок охладил ее пылающие щеки, и взволнованная покрасневшая девушка опять, как и всегда, залюбовалась чистым лесным озером, спокойным, кротким, лежащим в почти идеально круглой впадине. Девушка выросла на его берегах. Его синяя вода всегда напоминала ей о море. Предвкушая удовольствие от купания, Ляля повесила парео на сучок березы, растущей на берегу этого «кусочка моря», и по валунам сошла

в прохладную воду. Перекрестившись, девушка окунулась с головой и поплыла к другому берегу. Переплыв озеро туда и обратно, Ляля перевернулась на спину и устремила взгляд в небо. Солнце стояло в зените. «Сколько же я спала?» – вяло удивилась девушка, покачиваясь на мелких волнах. Сейчас, охладившись, она смогла обдумать невероятную ситуацию, в которую попала. Рыцарь, ее средневековый знакомый, явился к ней через восемьсот лет. Что ей с ним делать? Прежде всего – ознакомить с географией нашего мира. Ляля выбралась на берег, взяла парео и мокрая, распустив волосы, пошла домой. Парео она накинула на границе соснового бора и вышла под палящее солнце. Когда она дошла до дачи, ее волосы и парео почти высохли, а мысли упорядочились.

Теперь она знала, что делать – накормить завтраком сэра Луиса, показать ему карту Европы и вывести на рынок, обеспечив первый контакт с современным миром. Если граф выдержит объем обрушившейся на него информации, завтра они поедут в Выборг. Ляля, улыбаясь, вошла во двор. Путешественник во времени сидел на крыльце, поджидая хозяйку. Сердце ее забилось быстрее. «Луис, мой Луис», – подумала она, имея в виду вовсе не кота. Гость встал, приветствуя хозяйку.

– Почему вы сидите здесь, монсеньор? – весело спросила она. – Пойдемте, я научу вас кипятить чайник.

– В доме два раза играла музыка, – сказал граф.

– О! – Ляля обогнула его и бросилась в дом. Схватив мо-

бильник, лежащий на полке буфета, она увидела два пропущенных звонка. Звонила бабушка. Девушка тут же перезвонила:

– Бабушка, это я!

– Где ты была, моя девочка? – вскрикнула почтенная дама.

– Ходила купаться, – ответила Ляля.

– А что ты будешь делать сегодня?

– Поем, схожу на рынок и допишу главу своей книги, – отбарабанила девушка. – А вы с дедушкой собираетесь ко мне приехать?

– Нет, дорогая, нас пригласили в Москву. И мы едем сегодня вечером.

– Поезжайте, – сказала Ляля. – Позвоните, как доедете, пока, бабуля, привет деду, – и облегченно вздохнула – какое счастье, что сейчас не надо представлять родне своего средневекового друга. Кто же в здравом уме поверит в их «правдоподобную» историю? Но как легализовать в современной России иностранца без документов? «Я подумаю об этом потом», – решила девушка, пригласила рыцаря в дом и показала, как включать электроплитку и ставить чайник.

– Когда вода закипит, выключите плитку, а я пойду переоденусь, – сказала Ляля и поднялась наверх. Переодеваясь и причесываясь, она думала, почему рыцарь сейчас не смотрел ей в лицо? Прошедшей ночью он смотрел на нее – вежливо, чтобы не обидеть пристальным вниманием, но с затаенной тоской. Она теперь – единственный знакомый ему че-

ловек в мире далекого будущего, кто может понять и почувствовать его стремление вернуться домой, и любовь, раздирающую сердце между двумя эпохами.

Сэр Луис, оставленный на хозяйстве, тихо вздохнул. Холодильник зарычал в углу, но рыцарь не обратил на него внимания. Вид донны Лилианы в обличье одалиски поразил его в самое сердце. Он видел на востоке танцы гибких прелестниц гаремов, но на них были надеты еще и шальвары. Как может благородная дама выходить из дома в таком непотребном виде? Почему родители разрешают ей так выглядеть? А вдруг... И граф зашатался на табуретке при мысли о том, что все в земле донны Лилианы ходят так. Как же они отличают благородных от простолюдинов?

Чайник закипел и отвлек графа от невеселых мыслей. Ляля вошла в кухню свежая, сияющая, с высоко подобранными волосами. Сэр Луис с одобрением узнал ту же розовую кофточку, что была на ней ночью, перевел глаза вниз и лишь усилием воли сдержал дрожь – хозяйка надела длинные белые штаны, какие он видел на воинах ислама и на моряках из Марсея, переправлявших крестоносцев в Святую Землю. Девушка улыбнулась рыцарю и спросила:

- Будете есть блинчики с капустой, мессир?
- На ваше усмотрение, демуазель, – ответил он, стараясь не опускать глаза ниже талии хозяйки.
- Кофе? – радушно предлагала Ляля.
- Да, пожалуйста!

Девушка захлопотала по хозяйству, и вскоре горячий завтрак дымился на столе. Пять блинчиков достались графу, один – Ляле, но она съела еще два бутерброда с сыром и несколько пряников. Подкрепившись, девушка сказала:

– Сейчас мы пойдем на рынок.

– Пойдем? – удивился граф. – Благородной даме не пристало идти пешком.

– Сегодня я изволю передвигаться пешком, – холодно произнесла Ляля и начала убирать со стола, а потом обула кроссовки, чтобы не сбить ноги на проселочной дороге. После трудного похода в Монсегюр, куда она пришла босая, девушка берегла свои ноги. Она приготовила сумку-тележку на колесах, взяла свою сумочку с кошельком и мобильником и пристально оглядела средневекового гостя. Его коричневый кожаный колет, застегнутый на все фибулы, поражал качеством материала и искусной работой портного. На широком поясе, сияющем золотой пряжкой с гербом Монсегюров, висят два кинжала и большой кошель. «Это уже третий кошель, который я у него вижу», – подумала Ляля. Два предыдущих граф отдал ей на мелкие расходы. «Кинжалы и кошель придется снять», – отметила девушка и продолжила осмотр. Коричневые кожаные брюки носили все высокопоставленные рыцари в крестовом походе и современники Ляли, состоящие в исторических клубах, где реконструируют войны Средневековья. Брюки можно оставить. Для победного пира в Монсегюре граф сменил окованные железом сапо-

ги на более легкие, из красной кордовской кожи, на высоких каблуках. Такие Ляля видела на миниатюрах иллюминированных средневековых рукописей и на древнерусских фресках. Золотые шпоры надо снять, чтобы не повредить о проселочную дорогу, и, конечно, меч придется оставить дома. Его эфес, как третья ладонь, возвышается над левым плечом рыцаря.

– Мессир, мы сейчас пойдем на рынок... – задумчиво начала Ляля.

Через сорок минут граф был готов к выходу за пределы дачного участка – шпоры и колет сняты, все оружие оставлено дома, мощный торс обтягивает майка цвета хаки, принадлежавшая отцу Ляли, на аристократическом носу красуются его же старые темные очки. Граф внимательно осмотрел себя в большом зеркале и сказал:

– Я готов сопровождать вас, донна Лилиана.

Девушка надела белую бейсболку, черные очки, вручила графу сумку-тележку, заперла дверь дома и повела гостя знакомиться с миром двадцать первого века.

Ляля шла справа от графа и объясняла, в каком селеении живет. Сэр Луис спокойно отнесся к самодвижущимся повозкам, даже у переезда железной дороги, где увидел большегрузные КАМАЗы, но проносящаяся мимо электричка разбудила воинские навыки рыцаря. Ляле пришлось вцепиться в его руку и приговаривать, что все хорошо, а меч оставлен дома.

– В таких повозках мы ездим из города в город, – сказала она, когда переезд открылся. Граф перевел дыхание и с интересом осмотрел пятиэтажные дома вокруг торговой площади.

– Какие широкие окна! – воскликнул он. – Что в них вставлено? Слюда?

– Стекло, – ответила Ляля.

– Разве стекло может быть таким прозрачным? – удивился граф. – Это похоже на тончайшие пластины горного хрусталя.

– Наши мастера умеют делать прозрачные стекла, – сказала девушка и завела сэра Луиса в магазин.

– Будьте любезны, дайте мне... – сказала Ляля продавщице и начала перечислять, но та смотрела на нее округлившимися глазами:

– Извините, не понимаю...

– Как, почему? – удивилась Ляля. – Я же говорю по-русски.

– Нет! – ответила продавщица.

– О, простите! – воскликнула Ляля и перешла с провансальского на русский. Купив все, что хотела, и радуясь, что есть кому нести гору вкусных продуктов, Ляля полезла в сумочку за кошельком. Рыцарь притронулся к ее руке:

– Я заплачу, демуазель!

– Милорд, вы оставили дома ваш кошель, – непреклонно сказала девушка. Граф молча взял набитую сумку. Ляля за-

вела его в винный отдел, где они выбрали вино, шампанское и бутылку водки (на всякий случай). По улице девушка шла налегке, а рыцарь вез набитую сумку.

– А где у вас церковь, донна Лилиана? Я хотел бы исповедаться, – сказал он, растерянно оглядываясь вокруг.

– Церковь у нас в Выборге, завтра мы туда съездим, – ответила девушка и подскочила от звонка телефона в сумочке. Жалея, что не отключила его, Ляля достала вишневую «раскладушку», быстро открыла, посмотрела, кто звонит, и крикнула в Париж:

– Да, мама!

– Что ты делаешь, моя девочка?

– Я на рынке!

– На рынке? Ты уже съела и пельмени, и котлеты, и блинчики? – удивилась и расстроилась мама в далеком Париже.

– Я съела все мороженое и весь шоколад, – пояснила Ляля и поинтересовалась: – А что делаете вы?

– Гуляем по Парижу! – восторженно щебетала мама. – Сейчас мы стоим у Нотр-Дам, а завтра едем в Версаль!

– Гуляйте, – грустно прошептала девушка и громко сказала: – Привет папе, звоните, целую, пока!

– Жаль, что тебя нет с нами, – сказала мама. – Я вижу все, о чем ты пишешь – твой любимый двенадцатый век!

«Я его видела воочию», – подумала девушка и весело сказала:

– Привези мне путеводители и ваши фотографии.

– Обязательно, – ответила мама. – Целую, успехов!

– Пока, мамочка, – сказала девушка и убрала телефон.

Родной голос издалека подбодрил ее.

– Мои родители сейчас в Париже, – задумчиво сказала она.

– А вы бывали там? – осведомился граф.

– Еще нет, – ответила Ляля. – Может быть, через год...

– И я не был в Париже, – сказал сэр Луис.

– Вы не были в столице своей страны! – вскричала девушка.

– Моя страна – Лангедок, а ее столица – Тулуза! – ответил рыцарь. – Я не знаком со своими северными родственниками.

«В двадцать первом веке я забываю о реалиях двенадцатого», – мысленно выругала себя Ляля. Переезд был открыт, и вскоре молодые люди подходили к даче семейства Лукиных.

– Эта дорога ведет к озеру, – показала девушка. – Позже мы пойдем купаться.

Дома девушка поставила чайник и разобрала покупки. Мороженое она выложила в две стеклянные вазочки и подавала на стол вместе с кофе.

– Угощайтесь, мессир!

Он попробовал мороженое и восторженно сказал:

– Это лакомство лучше всех восточных шербетов!

Ляля улыбнулась и опустила в кофе ложку мороженого:

– А я люблю пить кофе вот так!

Граф последовал ее примеру. Вскоре мороженое исчезло. Девушка развернула плитку шоколада и угостила рыцаря.

– Что вам понравилось больше – мороженое или шоколад? – лукаво спросила она. Граф замер, разбираясь в своих ощущениях.

– Шоколад делают из какао-бобов. Их родина – центральная Америка, – рассказывала Ляля.

– Арморика? – переспросил сэр Луис. – Но там не растет растение с названием «какао»!

– Нет, Америка, – четко произнесла Ляля. – Эта земля находится за Атлантическим океаном, – добавила она, убрала посуду и поставила в центр стола ноутбук. – Смотрите, милорд, – она придвинула к нему ноутбук и включила его. Обои на рабочем столе возникли самые простые – белая кувшинка на поверхности лесного озера – фотография, сделанная Лялей в начале этого лета.

– Что вы видите, мессир? – спросила она.

– Цветок кувшинки, – ответил путешественник во времени. Девушка обрадовалась, что сэр Луис различает картинку на экране ноутбука – она боялась, что глаза человека двенадцатого века не воспримут электронное изображение, и придется вести графа в библиотеку Выборга, доставать большой атлас и объяснять, куда он попал, под строгим взглядом хозяйки читального зала.

– Что вы хотите мне показать, донна Лилиана? – спросил

рыцарь.

– Изображение места, куда вы попали, – ответила девушка.

– У вас есть карты, или вы сами их нарисуете? – произнес озадаченный граф.

– Сама, – хмыкнула Ляля. – Вот, нашла, – и она вывела на экран карту Европы. – Мы находимся здесь!

Следующий час был посвящен географии двадцать первого века, а конкретно – Выборгу, Санкт-Петербургу и Франции. Ляля отключила телефон, чтобы никто не помешал их общению с графом. Рассказав, куда он попал, и какое расстояние разделяет Выборг и Лангедок, она нашла в Интернете и подробно показала ему весь Монсегюр – и с птичьего полета, так, что вытянутый пятиугольник стен таинственного замка был хорошо виден. Графа потрясли развалины, оставшиеся от внутреннего двора и донжона.

– Что за лавина притащила в мой замок эти округлые валуны? – удивленно вскричал он.

– Это не лавина, а каменные ядра из французской катапульты, – ответила девушка.

– Я не воюю с моим братом французским королем! – гордо сказал сэр Луис.

– Мы познакомились в тысяча сто девяносто четвертом году, – начала Ляля рассказ о трагедии Лангедока, произошедшей в будущем для рыцаря и прошлом для нее.

– Демуазель, вы знали об этом, когда жили в моем зам-

ке? – спросил граф де Монсегюр.

– Да, – с болью ответила Ляля. – Я знаю историю Средневековья, и все время помнила про осаду Монсегюра тысяча двести сорок четвертого года.

– Через пятьдесят лет! – с кривой усмешкой произнес сэр Луис. – Что произойдет в моем замке через пятьдесят лет?

– Войско французских крестоносцев осадило его в мае тысяча двести сорок третьего года... – рассказывала Ляля.

– Крестоносцев? – вскричал изумленный граф. – Против кого обратили свое оружие мои братья-крестоносцы?

– Против еретиков-катаров, – сказала Ляля.

– Катары... – задумчиво произнес граф.

– Помните диспут в Альби тысяча сто шестьдесят седьмого года... – подсказала девушка. – Альбигойцы – второе название катаров.

– Почти тридцать лет назад... – произнес сэр Луис.

– Эта ересь зародилась на ближнем Востоке и через болгарских богомилов попала в Лангедок, – пояснила девушка.

– Но что делали еретики в моем замке?

– Устроили обсерваторию.

– Обсерваторию?

– Они определяли положение солнца на небе в разные времена года... – продолжала девушка.

– Зачем?

– Видимо, для своих обрядов!

– Какие обряды могут происходить в замке доброго като-

лика? – удивился сэр Луис.

– Мы этого не знаем, – печально ответила Ляля. – Тайны катаров ушли вместе с ними в пламя костра.

– Их сожгли! – вскричал потрясенный граф.

– Да, у подножия горы Монсегюр в марте тысяча двести сорок четвертого года, – печально сказала Ляля.

– И это сделали воины-крестоносцы? – недоверчиво переспросил рыцарь.

– Увы! – вздохнула девушка.

– Кто защищал тогда мой замок? – осведомился граф.

– Комендантом был Пейре Роже де Мирпуа, – ответила девушка. – Вам знакомо это имя?

– Мирпуа – мои дальние родственники, – сказал сэр Луис. – Неужели я скончался бездетным?

Ляля покраснела и сказала с тайным ехидством:

– А вот об этом история западного Средневековья умалчивает, – она хотела было спросить графа об его семейном положении, но постеснялась. К ней на дачу он попал без детей и супруги.

– Что было дальше? – спросил рыцарь обманчиво спокойным голосом.

– Лангедок был присоединен к владениям французской королевской семьи как приданое Жанны, дочери графа Тулузского Раймонда Седьмого.

– Хотя бы их фамильное имя сохранилось, – невесело усмехнулся граф.

– Жанна вышла замуж за брата французского короля, – пояснила девушка, с тревогой взглянув на собеседника – его ясные синие глаза потемнели, черты лица заострились – известие о трагедии родной земли нанесло душевную рану графу де Монсегюру. Ляля сама плакала, когда читала душевраздирающие подробности гибели Каркассона, Безье, Тулузы, Монсегюра. Крестовые походы против альбигойцев – позор Франции. Ее королю Людовику Святому досталась опустошенная выжженная земля. Утонченная культура, взявшая все лучшее от античных философов, арабских поэтов, одухотворенная идеалами рыцарства, прекратила свое существование в огне и крови. Девушка посмотрела на своего рыцаря и тревожно спросила:

– Вы голодны, милорд?

– Нет, – ответил он.

– А я бы выпила кофе, – сказала она. – Вы составите мне компанию?

– Да, демуазель, почту за честь, – вежливо ответил куртуазный рыцарь.

Девушка поставила чайник и включила мобильник. Оказывается, они обсуждали трагедию Лангедока два часа. Неудивительно, что она проголодалась – душевные переживания очень выматывают.

– Сварю-ка я, пожалуй, суп, – решила Ляля, повязала передник и начала выкладывать овощи на стол.

– Сколько раз в день вы едите? – спросил граф, заин-

тересованно наблюдающий за ее манипуляциями. Девушка хмыкнула и посчитала вслух:

– Завтрак, полдник, обед, чай, ужин, а перед сном – кефир!

– Что такое чай? – удивился сэр Луис.

– Горячий напиток, попавший к нам из Китая, – ответила она.

– Китай?

Ляля вытерла руку о бумажное полотенце и снова вывела на экран ноутбука карту Евразии.

– Знакомая нам семья венецианцев Поло торгует шелками из Китая, – пояснила она.

– Сина! – вскричал граф.

– Ну да, Китай и так называют, а по-английски – Чайна или Шина, – подтвердила Ляля. – Кстати, я говорила вам, милорд, спасибо за замечательные платья, в которых блистала при дворе графа Тулузы благодаря вашей щедрости!

– Не стоит благодарности, леди Лилиана, мне было приятно дарить вам эти наряды. Ваша красота делала их еще великолепнее, – вежливо ответил рыцарь. Девушка порозовела – он все-таки считает ее красивой.

– Да, сейчас мода изменилась, – вздохнула она.

– На турнире вы затмили графиню Тулузскую, – сказал граф. Ляля нежно улыбнулась:

– Это было так давно.

– Да, для вас, демуазель, – произнес граф и помрачнел.

«Графиня призналась ему в любви!» – вспомнила девушка разговор, подслушанный в часовне Монсегюра. Ярость опять стиснула ее горло, она побледнела и застыла, беспомощно глядя на гостя. Закипела вода. Ляля вздрогнула и радостно объявила:

– Сейчас мы будем варить суп! Вы поможете мне, милорд? – и осеклась. Наверное, неприлично предлагать благородному графу резать овощи для похлебки?

– Вдвоем мы бы справились с этим быстрее, – пролепетала она.

– Конечно, я помогу вам, демуазель, – ответил он. – Негоже благородной девице пачкать нежные ручки на кухне.

– Я с детства помогаю маме готовить, – сказала Ляля. – И у нас хорошая косметика, – она с тайной гордостью взглянула на свои нежные руки, особенно белые в сравнении с южной смуглотой лангедокского рыцаря. Он спокойно взял предложенный хозяйкой стальной кухонный нож, одним взглядом оценил его блеск, форму, остроту, и начал быстро резать овощи, прислушиваясь к указаниям хозяйки.

– Перец режут соломкой, картофель и помидоры – кубиками. У вас хорошо получается, мессир!

– Я с детства ходил в походы с отцом и на привалах помогал готовить, – сказал граф.

– Вы и посуду мыли? – недоверчиво спросила Ляля.

– Да, я оттер песком немало котлов, – улыбнулся сэр Луис. Девушка бросила в кипящую воду бульонный кубик, а овощи

выложила на сковородку.

– Перец, помидоры и картофель растут в центральной Америке, – радостно рассказывала Ляля. – Помните, я показывала вам на карте?

Граф вспомнил. После сытного обеда – суп, пельмени (наше любимое национальное блюдо тоже из Китая) – граф попробовал мыть посуду средствами двадцать первого века, а девушка сварила кофе.

– Родина кофе – Африка, – пояснила она и накрыла сладкий стол на открытой террасе. Бодрящим напитком средневековый гость и девушка наслаждались, наблюдая багряно-золотой заход солнца.

– Что мы будем делать завтра, донна Лилиана? – осведомился граф

– Поедем в Выборг, – ответила девушка. – Я покажу вам замок, мы пойдем в музей.

– Музей? Языческий храм муз? Я добрый католик! – воскликнул рыцарь.

– О, нет, никаких муз, никакого язычества, – сказала Ляля. – В наших музеях выставлены произведения искусства – картины, скульптуры, а так же оружие, книги.

– Что такое картины? – удивился граф

– Станковая живопись, – пояснила девушка, но, видя, что собеседник не понимает, пояснила: – Это такие маленькие переносные фрески, но не на стенах церквей и замков, а на холсте.

– А зачем они нужны?

– Чтобы изучать историю по их сюжетам. Я попытаюсь рассказать вам о том, что произошло за восемьсот лет, разделяющие нас, – сказала Ляля.

– Восемьсот лет, – вздохнул граф, и они посмотрели друг на друга. Никогда они не должны были познакомиться. Может быть, прилежная студентка Лукина, изучая старинные рукописи, прочитала бы фамилию графа из Лангедока и всплакнула над его гибелью на турнире или на стенах родового замка в битве против французских крестоносцев. Сэр Луис смотрел на нее восхищенно и нежно. Теперь он не отводил глаза. Он и раньше понимал, что донна Лилиана – необычная девушка, но объяснял это ее чужеземным происхождением. Оказывается, все гораздо серьезнее. Она явилась из будущего и стала самым близким ему человеком в страшно подумать – двадцать первом веке!

– Донна Лилиана, какие деньги в ходу в вашем мире? – спросил сэр Луис.

– Бумажные купюры и металлические монеты, – ответила Ляля. Про пластиковые карточки она расскажет графу позже.

– Бумажные? – удивился гость.

– Ну да, бумажные. Бумага тоже китайское изобретение. Ее привез в тринадцатом веке в Европу Марко Поло, потомок нашего знакомого венецианского купца, – сказала Ляля. Граф улыбнулся. Их путешествие вниз по Гаронне на судне

мессира Поло, сейчас, в двадцать первом веке, казалось легким и прекрасным.

– Бумажными деньгами мы расплачиваемся в магазинах, – продолжала девушка.

– Магазины? Это склады? – удивился рыцарь.

– Нет, так называются лавки, где мы покупаем еду, одежду, обувь. Надо будет купить вам одежду, подходящую для нашего мира.

– Я оплачу свои покупки, – твердо сказал граф.

– Да, конечно, мессир, – ответила Ляля. – Завтра мы поменяем одну вашу монетку на наши деньги.

– Сейчас я принесу свой кошелек.

– Нет, лучше мы рассмотрим его содержимое в доме, – сказала Ляля и поднялась из-за стола. Быстро убрав в холодильник остатки еды и вымыв посуду, девушка вошла в спальню родителей, где временно жил сэр Луис. Она задернула занавески, включила люстру и подошла к кровати. Ее приятно поразила аккуратно застеленная кровать. Дамасский клинок в ножнах лежал на правой стороне постели. «Чтобы сразу схватить в случае опасности», – поняла Ляля. Вбитые с детства воинские навыки не забываются за один день, проведенный в чужом мире. Кожаный колет граф повесил на спинку стула перед трюмо Лялиной мамы. Золотые шпоры поблескивали среди ее флаконов с духами и баночек с чудодейственными кремами.

– Где ваш кошелек, мессир? – ласково спросила Ляля и се-

ла на кровать, приняв любимую позу – скрестила по-турецки ноги. В белых джинсах так сидеть удобно. Граф поднял бровь – в двенадцатом веке донна Лилиана не позволяла себе подобных вольностей. Она не менее удивленно посмотрела на него и похлопала рукой по покрывалу, приглашая присоединиться к ней. Рыцарь скромно опустился на кровать рядом с мечом, вынул увесистый кожаный кошель из-под подушки, распустил завязки и перевернул. На белое атласное покрывало просыпался золотой дождь, сияющий в электрическом свете. Ляля восхищенно взвизгнула, почувствовав себя Данаей. На атласном покрывале образовалась пирамидка из золотых и серебряных монет, но золота оказалось больше. Венчали это великолепие несколько золотых перстней.

– Можно посмотреть? – спросила Ляля.

– Конечно, demuазель, – ответил граф и подал ей перстень – сапфир-кабошон в массивной золотой оправе.

– Это ваш герб! – воскликнула девушка – в инталии на сапфире она узнала геральдического зверя, виденного ею и на щите сэра Луиса. Огромная кошка всталана дыбы и грозно оскалилась.

– Я хотел бы, по возможности, сохранить это кольцо, – скромно молвил граф.

– Конечно, – ответила Ляля и начала разгребать кучку золота в поисках мелких монет. Выбрав самые маленькие, золотую и серебряную, она произнесла:

– Завтра мы попробуем обменять их на деньги нашего мира.

– У вас есть меняльные лавки! – воскликнул граф.

– Да, – улыбнулась девушка. – Но только менять буду я.

– Как скажете, донна Лилиана.

– Выпьете на ночь кефира, мессир? – спросила она, вставая с кровати.

– Кефир? – опять удивился сэр Луис.

– Этот продукт начали делать сто лет назад, – охотно пояснила Ляля и вышла из спальни. Открыв холодильник, она достала пакет кефира и разлила его в две чашки.

– Угощайтесь, мессир, – пригласила она вышедшего из спальни графа.

– Это же кислое молоко, – попробовав, сказал он.

– Да, этот напиток делают из кислого молока, но в нем много ... – начала Ляля и замолчала – как рассказать человеку двенадцатого века о бактериях и микробах?

– Ну, в общем, он очень вкусный, – закончила девушка.

– Благодарю вас, донна Лилиана, за приобщение к традициям вашего мира, – сказал рыцарь. Она вымыла чашки и украдкой зевнула.

– Я иду спать. Спокойной ночи, милорд.

– Спокойной ночи, демуазель, – ответил он.

Девушка поднялась в свою комнату, поставила будильник мобильного на полвосьмого утра и с блаженным вздохом легла в постель. «Сегодня я не написала ни строчки», –

грустно подумала она и закрыла глаза.

– Лилиана... – позвал ее знакомый голос.

– Иду! – откликнулась она и вскочила с постели на зов своего рыцаря.

– Лилиана... – голос сэра Луиса отдалился.

– Я здесь! – закричала она. – Сейчас открою!

Девушка побежала к двери и с изумлением увидела, что никакой двери нет, а находится она в длинной мрачной галерее с низким полукруглым сводом. «Как похоже на крипту Монсегюра!» – подумала Ляля и вздрогнула. Не думала она, что еще когда-нибудь окажется тут. Порыв холодного ветра налетел сзади, девушка поежилась и посмотрела в конец каменного коридора. Там уходила вдаль высокая темная фигура с горящим фонарем в руке.

– Это же – Отец Бьорн! – закричала Ляля. Он не оборачивался. – Падре, подождите!

Священник уходил, и девушка сорвалась с места. Ее шаги деревянным стуком прозвучали по каменным плитам подземного коридора, что-то обвилось вокруг ног. Досадливо вскрикнув, Ляля подобрала длинное платье жестом, ставшим привычным за месяц, проведенный в Средневековье, и ускорила шаг. Ноги в деревянных монашеских сандалиях быстро несли девушку по подземелью, звук ее шагов породил гулкое эхо, отдающееся от каменного свода и стен. А священник впереди двигается бесшумно. Вот он завернул за угол, унеся с собой свет фонаря. Оставшись в темноте,

Ляля вскрикнула и побежала, свернула за угол и чуть не свалилась с каменной лестницы в несколько ступеней. Она вела в подземный зал. Фонарь стоит на полу, и лужица света растекается по каменным плитам.

– Отец Бьорн! – крикнула девушка.

– ... он, ... он, – ответило эхо. Девушка зябко поежилась, подошла к фонарю и подняла его. Дрогнуло и зашипело пламя свечи за слюдяными окошечками средневекового светильника. Девушка вздрогнула, вытянула руку и осмотрела помещение, куда попала. В желтом пятне света стали видны каменные колонны, уходящие ввысь. Они соединяются между собой полукруглыми арками и поддерживают такой же полукруглый свод. Все помещение вытянуто в длину, вдоль стен стоят мраморные саркофаги. Ляля задрожала и поняла, куда попала. Усыпальница Монсегюров! Здесь покоятся предки-завоеватели сэра Луиса и его родители. Они один раз уже явились ей на потайной лестнице замка. Девушка опустила руку с фонарем, боясь увидеть рядом светлые трепещущие силуэты. Их голоса один раз уже звучали в ее мозгу. Свет фонаря лег на плиту у нее под ногами, платье коснулось мраморной плиты, возвышающейся над полом крипты на локоть. «Полметра», – хмыкнула девушка, переводя средневековую меру длины в привычную ей метрическую, и нагнулась убрать подол платья с надгробия. Знакомая фамилия, высеченная четкими квадратными латинскими буквами на могильной плите, бросилась в глаза Ляле. Монсег-

юр! «Ну да, это же их фамильная усыпальница!» – подумала она. Буквы сложились в надпись из трех имен: «Жан-Луис-Мишель».

– Луис! – вскрикнула Ляля и упала на колени. Задышавшись, она вытянула руку с фонарем над страшной надписью, а пальцами другой руки ощупала ровные начертания букв. Где буквы, там и цифры! Взгляд девушки скользнул ниже. Сначала она ничего не могла понять – опять какие-то буквы. А где два четырехзначных числа, отмеривших жизнь графа Монсегюра? Вместо привычных арабских цифр взгляду Ляли предстал ряд латинских букв: «М... С...» Девушка вспомнила, что числа можно записать и латинскими буквами. Учащенно дыша, она попыталась составить из букв привычную дату. Вскоре ей это удалось, латинские буквы сложились в число 1161. Ляля задрожала – это год рождения сэра Луиса. Горячие слезы потекли по щекам девушки, ее пальцы легли на буквы, обозначающие дату его смерти. Но затуманенные глаза не могли разобрать всю надпись. Пальцы девушки обводили заглавное М – тысяча и начальная буква фамилии Монсегюр. Дожил ли сэр Луис до осады его замка войсками французского короля в 1244 году? Ляля никак не могла прочитать следующие буквы. Она досадливо всхлипнула, поставила фонарь на пол, ткнулась лбом в холодную плиту, застонала и открыла глаза...

В незавешенное окно видно синее ночное небо. Белые облачка проплывают мимо окна лялиной спальни. Она лежит

на животе, обняв подушку обеими руками. Девушка подняла голову, подушка ее была мокрой от слез.

– И присниться же такое, – пробормотала Ляля, обводя взглядом с детства знакомую обстановку спальни. Тогда, в двенадцатом веке, привычные картины жизни века двадцать первого вставали перед ее мысленным взором и давали силы бороться за возвращение домой. Вернувшись, Ляля вспоминала подземелья Монсегюра, но уже давно ей не снились его каменные коридоры и переходы, где она бродила по ночам в поисках Святого Грааля.

– Во сне я была в голубом платье, подаренном сэром Луисом, и в сандалиях его дяди! – произнесла она, радуясь, что проснулась и не осталась у могилы хозяина Монсегюра. Девушка прошептала молитву, перевернула подушку и крепко заснула, блаженно растянувшись на спине.

Настойчивый звонок будильника раздался, как всегда, некстати. Сонная девушка села в постели и отключила противно-назойливую трель. Половина восьмого! Надо собираться на электричку в Выборг. Ляля не любила торопиться, предпочитала встать заранее и спокойно подготовиться к выходу из дома, особенно после прошлогодних волнений. До сих пор с содроганием она вспоминала иступленный бег на станцию с котом на руках. Тогда, в прошлом году, после возвращения из крипты Монсегюра, она успела на последнюю электричку, но повторить подобный забег не захотела бы больше никогда в жизни.

Девушка вскочила с постели, надела розовое бикини, накинула купальный халат и вышла из спальни. Утреннее купание летом в озере – привычный и приятный ритуал, поддерживающий жизненную гармонию, дающий энергию на весь день. Входная дверь опять не заперта, сэр Луис стоит на садовой дорожке и упражняется с мечом. Верный клинок образовал вокруг хозяина блистающую стену. «У бедных разбойников не было никаких шансов против обученного рыцаря», – подумала Ляля, остановившись на крыльце, и весело крикнула:

– Доброе утро, мессир!

– Миледи, – поклонился он, опутив сверкающую стальную молнию. Девушка не смогла сразу отвести взгляд от обнаженного торса рыцаря.

– Я пойду купаться, завтракать будем, когда вернусь, – с этими словами Ляля сбежала с крыльца и понеслась по дороге к озеру.

Солнце уже взошло и сияло с голубого неба, белые облачка не могли его закрыть. Прохладный воздух, настоящий на ароматах сосновой хвои и смолы, животворным эликсиром вливался в грудь девушки, и она улыбнулась – новый день несет новые приключения! Ляля подошла к любимому спуску в воду, сняла халат, подобрала повыше волосы и бросилась в озеро. Вода показалась ее теплой в сравнении со свежим утренним воздухом. Девушка засмеялась от счастья и поплыла. Сегодня она доплыла только до сере-

дины озера и повернула к своему берегу. Завернувшись в купальный халат, бодрая энергичная девушка побежала домой, прикидывая, что быстрее приготовить на завтрак – блинчики или котлеты. Рыцаря перед домом не было, а на крыльце сидел...

– Луис! – вскрикнула Ляля и протянула руки к полосатому коту, любимцу семьи Лукиных. Он блаженно заурчал, когда нежные пальцы хозяйки почесали его за ушами и прошлись по пушистой спине.

– Где ты был? – приговаривая, она подхватила на руки свое загулявшее сокровище и вошла в дом. Чайник посвистывал, готовясь закипеть, а сэр Луис ставил на стол два прибора. Девушка остановилась на пороге кухни, горячие слезы увлажнили глаза. Конечно, когда они ехали по Пиренеям, тогда в двенадцатом веке, она принимала как должное заботу рыцаря. Но и здесь, у нее на даче, в веке двадцать первом, он продолжает заботиться о ней! Сэр Луис быстро повернулся к девушке. Она прижимала к груди кота, касаясь подбородком его макушки, и лицо ее казалось бледным в сравнении с его шерстью. На рыцаря в упор смотрели две пары одинаково зеленых глаз – девичьих и кошачьих. Слеза поползла по щеке девушки – так тронула ее забота.

– Кто это у вас, донна Лилиана? – спросил он.

– Кот!

– Такие звери живут в Египте, я видел их там.

– Египет – родина котов, – согласилась Ляля.

– Он охраняет от мышей ваш дом? – спросил рыцарь.

– Это мой свирепый домашний тигр, он охотится на мышек и птичек, – ласково сказала Ляля, почесала кота за ушами, поставила на пол и предложила корм, вынутый из холодильника. Граф растерянно наблюдал за странным зверьком. Вот боевой пес – это дело!

Оказавшись на полу, кот подошел обнюхать гостя и зашипел, когда тот двинул ногой в красном сапоге. Ляля вынула из морозилки упаковку котлет, выложила на сковородку и сказала:

– Взгляните на часы, милорд!

Он послушно осмотрел всю кухню и растерянно сказал:

– Где они, я не вижу.

– Смотрите, вот же на стене круг, а по нему движутся две стрелки – большая и маленькая.

– Вижу, демуазель.

– Так вот, когда длинная стрелка пройдет пять маленьких делений, переверните котлеты, милорд, и выключите плитку, – сказала она и побежала переодеваться.

Граф опустился на табурет и уставился на стену, где длинная стрелка передвигалась по большому белому кругу. «Это часы?» – удивлялся он, знавший только песочные, солнечные и водяные. Большая стрелка сдвинулась на пять делений, и сэр Луис выполнил указания леди Лилианы. Посуда и хозяйственная утварь будущего ему нравились и восхищали удобством, особенно вилки. «Вернусь в Монсегюр, при-

кажу кузнецам изготовить несколько дюжин», – подумал он, жалея, что не мог предоставить гостю своего замка привычный ей столовый прибор. Кот вылизал блюдо, посмотрел на гостя, фыркнул и удалился во внутренние комнаты. Ляля спустилась, одетая в светлый брючный костюм. Золото сияло на ее шее, запястьях, пальцах и в ушах. Граф встал, приветствуя леди. Она положила сумочку на кресло и бодро спросила:

– А где кот?

– Ушел, – и сэр Луис показал направление. Девушка заглянула в спальню родителей и успокоилась – кот спал на привычном месте.

– Давайте завтракать, милорд, – пригласила она. Граф прочел молитву, и молодые люди приступили к еде. Утолив первый голод, Ляля сказала:

– Вы знаете, мессир, наш кот спит в спальне родителей на моей старой кровати. Теперь это его место.

– Я думал, эта кровать предназначена для горничной вашей матушки, – ответил граф

– У нас нет горничных, – сказала Ляля.

– В вашей стране вообще нет прислуги? – поинтересовался он.

– Есть. У моих прабабушки и прадедушки была домработница, за моей мамой, когда она была маленькая, ухаживала няня, – ответила Ляля. – У нас в стране прислугу заводит тот, кто хочет.

– А кто убирает ваш дом?

Ляля удивилась, что благородный рыцарь вообще знает, что в доме нужно убирать, но ответила:

– Мама и я, мы моем посуду, вытираем пыль, пылесосим ковры...

– Как это – пылесосим? – уточнил он.

Ляля вспомнила этюд молодых актеров: «Ты пыль, я пылесос», хихикнула и сказала вслух:

– Я вас научу позже, это очень просто. Сейчас я помою посуду, а вы, милорд, ознакомьтесь с тем, что вам надо будет купить в Выборге.

Девушка подвела гостя к шкафу-купе родителей, включила внутренний свет, отодвинула зеркальную стену и продемонстрировала одежду отца – костюмы, шорты, джинсы, рубашки, нижнее белье, обувь. Оставив графа осмысливать увиденное, она вышла из спальни. Помыв посуду, она подкрасила губы и заглянула в спальню. Ее гость сидел на постели и был несколько бледен. Он пытался понять, как далеко от двенадцатого века ушли люди будущего, и почему донна Лилиана так хорошо разбирается в современной ей мужской одежде.

– Вы готовы к поездке в Выборг, милорд? – весело спросила девушка.

– Да, – растерянно ответил он, встал и попытался забросить на спину перевязь с мечом.

– О нет! – вскричала Ляля. – Не забывайте, мессир, у нас

не носят открыто холодное оружие.

– Простите, миледи, – и граф оставил на постели верный меч. Слезы жалости выступили на глазах Ляли. В двенадцатом веке он был ей надеждой и опорой, а теперь сам нуждается в помощи.

– В Выборге мы поедем мороженого, – весело сказала девушка и пошла к двери. Граф последовал за ней, держа изящную сумочку, пока хозяйка запирала двери. По дороге на станцию Ляля весело щебетала и держала графа за руку. Она уже почти привыкла к внезапному появлению на своей даче знакомого средневекового рыцаря и старалась сделать его пребывание в двадцать первом веке комфортным. Она чувствовала себя обязанной делать это. Ляля, попав в Лангедок двенадцатого века, имела хоть какое-то представление о том времени, но бедный рыцарь, занесенный в будущее волей Святого Грааля, оказался совершенно беспомощным в чужой ему эпохе. В электричку он вошел последним и с трудом согласился сесть рядом с Лялей – порывался уступить место всем женщинам, проходившим мимо. Ляля взяла его под руку и тихо прижалась к его боку. Сэр Луис вздрогнул, девушка почувствовала, как стальные мускулы перекатились по его телу, и рыцарь замер, вдыхая тонкий запах жасмина и других благовоний, исходящих от шеи и волос донны Лилианы. Тонкие золотистые прядки завивались в колечки на шее и за ушами девушки, в розовой мочке маленького уха нестерпимым блеском горела небесная звездочка.

Граф не верил своему счастью и молился, чтобы поездка в Выборг никогда не кончилась.

Ляля сидела тихо, в голове не было ни одной мысли. Пока электричка идет до Выборга, можно ни о чем не беспокоиться, и девушка наслаждалась минутами отдыха. За окном проносились сосновые леса Карельского перешейка. Знакомая мелодия Моцарта, нарастая, раздалась из изящной сумочки. Ляля вздрогнула, выдернула руку из-под локтя рыцаря и выхватила из сумочки мобильник.

– Мама!

– Доброе утро! Ты уже проснулась? – сказала мама.

– Я еду в Выборг, – ответила Ляля.

– Зачем?

– Проветриться, – честно сказала девушка.

– Ты переутомилась со своей книгой, – ахнула мама в Париже.

– Ничего. Денек погуляю, отдохну, – ответила Ляля. – А как вы? У вас же еще раннее утро!

– Мы были в Версале. А вчера гуляли по набережным Сены, катались на парходике...

– И как? Почему вы встали так рано?

– Я не могла заснуть, столько впечатлений, – почти кричала мама. – А папа еще спит.

– А что запомнилось больше всего? – вежливо поинтересовалась Ляля.

– Конечно, Сена. Она уже Невы, но некоторые кварталы

очень напоминают наш Питер в районе Лиговки, – восторженно рассказывала мама.

«Гаронна тоже уже Невы», – с болью в сердце вспомнила Ляля и тихо сказала:

– Рада, что тебе нравится эта поездка.

– Знаешь, все время, пока мы гуляем по Парижу, я вспоминаю картины импрессионистов, – рассказывала мама. – Река сияет, на газонах растет голубоватая трава.

– Правда? – переспросила Ляля, а перед ее мысленным взором текли зеленоватые воды Гаронны – у Тулузы она замедляет течение, бурно начинающееся в отрогах Пиренеев.

– Мы пили кофе с круассанами в кофейне на набережной, там по окнам пробегали сиреневые блики! – голос мамы звенел от радости.

– Блики от воды или от солнца? – как будущий искусствовед поинтересовалась Ляля.

– Ой, не знаю. Солнце отражалось в воде, а воздух здесь розовато-лиловый.

– Я не очень люблю импрессионистов, – сказала Ляля.

– Здесь повсюду цветут розы... – мама не могла остановиться.

– А как папа? – спросила девушка.

– Вчера выпил кружку пива и доволен жизнью, – хихикнула мама.

– Просыпается...

– Передавай ему привет!

В трубке раздался неясный звук.

– И тебе от него привет!

– Спасибо, мамочка, папа, – растроганно сказала девушка.

– Целую, – прошебетала мама.

– И я вас, – ответила Ляля. Разговор с Парижем закончился. Девушка закрыла телефон и огляделась, возвращаясь в свою реальность. В глазах ее стояли образы Парижа, ярко обрисованные мамой. Ляля моргнула и убедилась, что в вагоне осталась только она с рыцарем. Все пассажиры уже вышли. Электричка пришла в Выборг.

– Пойдемте, милорд, – сказала Ляля и вскочила с сидения. Граф поддержал ее за локоть и распахнул перед ней двери вагона. У турникета Ляля отдала рыцарю билет и показала, как выйти в здание вокзала. Там же, в киоске, Ляля купила кожаное портмоне.

– Сейчас мы сходим к антиквару, а потом пойдем есть мороженое! – радостно сказала она, взяла графа под руку и вывела на привокзальную площадь. С детства знакомый ей город встретил путешественников порывом свежего северного ветра. Высокие здания в стиле северного модерна поразили сэра Луиса.

– Я и в Константинополе не видал подобных!

– Взгляните, мессир, замок там, – Ляля изящным жестом указала на силуэт белой восьмигранной башни с зеленым куполом на противоположном берегу залива. Девушка плавно повернула в другую сторону. Широкие улицы и зеленые

бульвары привели графа в восторг.

Перед магазином «Антиквариат» Ляля сказала:

– Помните, милорд, продавать буду я, – и прямо посмотрела ему в лицо. Сэр Луис заглянул в искрящиеся беззаботным весельем зеленые глаза и распахнул дверь перед спутницей только через долгую минуту.

Ляля с деловым видом вошла в магазин и предъявила серебряную монету. Пожилой антиквар взял лупу, осмотрел потертый серебряный кругляшок. Глаза его вышли из орбит:

– Это венецианская монета!

– Я недавно там была, – спокойно сказала Ляля.

– Но это старинная монета, – выдохнул он.

– Я нашла ее на площади Святого Марка, – сообщила девушка и со спокойной улыбкой посмотрела на антиквара.

– Это монета старинная, ей место в музее, – растерянно произнес он.

– Я бы хотела ее продать, и немедленно, – сказала Ляля. Рыцарь маячил за ее спиной широкоплечим безмолвным силуэтом, и антиквар полез под прилавок за деньгами.

Ляля взяла пачку купюр, мило улыбнулась:

– Приятно иметь с вами дело.

– Если еще что-нибудь где-нибудь найдете, заходите, – растерянно сказал антиквар.

– Непременно, – девушка опустила деньги в сумочку, взяла под руку рыцаря и вышла из скупки. Полдневный жар с синего северного неба тут же обрушился на Лялю и сэра

Луиса.

– Милорд, хотите мороженого? – предложила она.

– Да, донна Лилиана.

– Зайдем сюда, – Ляля повела спутника в знакомое ей с детства кафе-мороженое. Запахи ванили, кофе, шоколада окутали вошедших душистым облаком. Рыцарь удивленно рассматривал множество сортов мороженого – от простого сливочного до бледно-зеленого фисташкового.

– Выбирайте, милорд, – предложила девушка. Вскоре они сидели за круглым прозрачным столиком, перед каждым стояли креманка с холодным ассорти и стакан с молочным коктейлем.

– Я пробовал похожие сласти в Палестине, – сказал граф.

– Наверное, вам подавали сорбе из снега и льда, а наше мороженое сливочное и подслащено сахаром, – сказала Ляля.

– Возможно, – ответил граф. – Я не разбираюсь в кухне сарацин, но те блюда, которыми угощали меня вы, демуазель, пришлись мне по вкусу.

Ляля покраснела – как можно восхищаться покупными котлетами, блинчиками и пельменями – но вскоре сообразила, что рыцарю, голодавшему под Аккрой, любая сносная еда покажется манной небесной.

– Попробуйте коктейль, мессир, – сказала она и поднесла ко рту стакан с яркой пластиковой соломинкой. Граф повторил ее движение и одобрительно кивнул.

– Хотите выпить кофе? – предложила Ляля.

– Не откажусь, донна Лилиана, – сказал рыцарь.

Девушка подошла к стойке, попросила сварить два кофе и расплатилась. Показав, куда подать заказ, она скрылась за дверью туалета. Оказавшись в кабинке, Ляля пересчитала деньги, полученные за продажу восьмисотлетней и, как оказалось, венецианской монеты. Приятно удивленная полученной суммой, девушка распределила ее по различным отделениям нового портмоне и вернулась в зал к сэру Луису. Он встал и придвинул ей пластиковый стул так же легко, как массивное деревянное кресло в своем замке.

– Ваш кофе, донна Лилиана!

Она рассеянно отпила глоток, занятая грандиозными планами – куда идти сначала – в замок или за покупками.

– Вы довольны сделкой, демуазель? – спросил граф. Она вздрогнула и ответила:

– О, да! У вас появилось много денег!

– Не у меня, а у нас, – поправил ее сэр Луис. – И как вы посоветуете их потратить?

– Хорошо бы поехать в кругосветное путешествие, – мечтательно протянула Ляля.

– Вокруг земли? – уточнил рыцарь.

– Да, вокруг земли, – сказала девушка. – Вы же знаете, что она круглая.

– Я знаю все семь рыцарских наук, – сказал сэр Луис. – Когда мы едем?

– Благодарю за приглашение, мессир. Но я не смогу поехать в этом году, – ответила Ляля.

– Почему, демуазель?

– Мне осталось учиться год в университете, я должна писать диплом и не могу уехать надолго, а путешествие вокруг света займет, минимум, полгода, – ответила она.

– Сколько? – вскричал граф.

– Полгода, – повторила девушка.

– В мое время мы столько добирались до Святой земли.

– Но мы можем прямо сейчас покататься по заливу на яхте, – примирительно сказала Ляля.

– Прошу, демуазель, – рыцарь подал руку девушке и вывел ее на улицу.

Молодые люди шли по узкому тротуару Крепостной улицы, любуясь старинными зданиями. Девушка рассказывала историю замка и города, насчитывающую более семисот лет.

– Представляете, мессир, шведский замок был основан через девяносто девять лет после нашего с вами знакомства, – восторженно сказала она.

– Конец тринадцатого века, – быстро посчитал граф.

На Ратушной площади девушка остановилась и показала рыцарю белую громаду башни Святого Олафа в окружении темно-красных гранитных стен. Зеленый купол в виде шлема древнерусского воина венчает белую многогранную башню.

– Я видел похожие замки в Палестине, их строили рыцари

Храма, – сказал сэр Луис.

– Там оставались византийские крепости. Храмовники строили свои замки похожими на них.

– На какие? – переспросил граф.

– Ох, ромейские, конечно, – пояснила Ляля и продолжала: – Название «Византия» появилось только в шестнадцатом веке, после захвата Константинополя турками.

– Турки? Что это за народ?

– Выходцы из Анатолии, – пояснила девушка. – А Выборгский замок основали шведы после крестового похода.

– Здесь тогда жили язычники?

– Карелы, крещенные в православие за... – Ляля остановилась, подсчитывая: – ... за семьдесят лет до крестового похода. Здесь даже инквизиция была.

– Инквизиция? Что она расследовала? – граф тут же перевел с латыни непонятное слово.

– Колдовство и ереси, – ответила девушка, секунду подумав.

– Помните, я рассказывала – богомилы, вальденсы, катары, альбигойцы...

– Ереси проникли и сюда, на север Европы? – удивился граф.

– Шведские рыцари, католики, считали православных еретиками, – продолжала Ляля. – А вот памятник шведу-основателю Выборга.

Сэр Луис взглянул с интересом:

– Мне знакомо это вооружение.

– Да, шлем и доспехи напоминают ваши турнирные, – сказала девушка. – А вы можете прочесть руны на постаменте?

– Торгильс Кнутссон, – произнес граф. «Ну конечно, он потомок викингов и должен знать скандинавские руны», – привычно подумала Ляля.

В замке рыцарь с интересом понаблюдал за упражнениями лучников в средневековых костюмах.

– Это не рыцарское оружие, – произнес он осуждающе.

– А наш князь Александр Невский владел им отменно, – сказала Ляля.

– Невский? Он владел вашей рекой Нева?

– Нет, он одержал победу над шведами на ее берегу, – ответила девушка. – А что вы скажете про кольчуги?

Граф подошел к членам исторического клуба, одетым в кольчуги, и со знанием дела рассмотрел плетение железной рубашки.

– Хорошая работа.

– Не хотите ли примерить, монсеньор? – спросила Ляля и улыбнулась – в глазах графа вспыхнул интерес. Член клуба реконструкторов сыграл роль оруженосца благородного крестоносца. Кольчуга облегла плечи графа, как будто была сделана для него. Ляля достала из сумочки мобильник.

– Можно вас сфотографировать, мессир?

– Да, демуазель.

Девушка сделала несколько снимков и протянула купюру

хозяину кольчуги. Граф попытался снять кольчугу испытанным способом – нагнулся и выгнул спину. Но на нем сейчас не было кожаного колета, и железная рубашка не соскользнула послушно, как раньше в двенадцатом веке. Хозяин кольчуги поспешил помочь растерявшемуся иностранцу, не умеющему обращаться со средневековым доспехом. Ляля ловко подхватила рыцаря под руку и увлекла к донжону.

– Толщина стены у основания башни достигает пяти метров, – радостно сообщила она, ласково похлопывая гранитный бок донжона.

– Метры? – удивился граф.

– Один метр – примерно два локтя, – пояснила девушка и подумала, что надо скорее знакомить сэра Луиса с мерами, принятыми в двадцать первом веке.

– Вход здесь? – спросил граф, подходя к высокому крыльцу башни.

– Здесь, но нам еще нужно взять билеты, – сказала Ляля и повела графа в кассу.

– Зачем? Мы же платили перед входом в замок.

– Мы платили, чтобы просто войти в замок, а за подъем на башню – особая цена, – пояснила Ляля.

Получив возможность подняться на пятьдесят метров над землей, молодые люди весело побежали наверх.

Ляля шла впереди, сэр Луис поддерживал ее на поворотах лестницы – так они привыкли ходить в двенадцатом веке. Рыцарю показалось, что он попал домой, а Ляля подни-

малась на эту башню с детства. Делать это удобнее в брюках, а не в голубом полотняном платье, которое подарил ей в двенадцатом веке хозяин Монсегюра. За месяц оно совсем обтрепалось. Тогда она много ходила пешком по Пиренеям, а последний день пути к Монсегюру отнял у нее все силы.

– Осторожнее, милорд! – крикнула Ляля, когда они добрались почти до самого верха. На крышу башни ведет довольно низкий проход, и люди там часто стукаются головой. «Ах, зачем я его предупредила! – запоздало подумала Ляля. – Он мог удариться головой и исчезнуть отсюда, как я год назад!»

– Не бойтесь, миледи, – сказал граф, обогнул девушку, вышел на крышу и подал руку спутнице. Она ступила под открытое небо. Солнце ударило в глаза. Ляля зажмурилась, поспешно надвинула черные очки и улыбнулась.

– Смотрите, мессир!

Он, не выпуская руки девушки, восхищенно взирал на окрестности.

– Какова высота этой башни?

– Сто локтей, – ответила Ляля. – Это...

– Пятьдесят ваших метров, – быстро подсчитал граф.

– Почти. На самом деле – сорок восемь, а от поверхности залива – семьдесят пять.

– Это одна из самых высоких замковых башен, известных мне, – сказал рыцарь.

– Смотрите, вон там находится наша дача! – показала девушка. – А вон вокзал!

Граф осматривал окрестности внимательно, как опытный полководец. Синяя гладь залива, переливающаяся мириадами солнечных зайчиков, разбита маленькими каменными островками.

– Здесь очень много гранита, – сказала Ляля.

– А вон там у вас порт? – спросил сэр Луис.

– Нет, там стоит судно-гостиница.

– Я вижу рядом ладьи! – вскричал граф. – А где же викинги?

– Успокойтесь, мессир. Викинги уже не ходят в набеги, – сказала девушка. – Порт у нас там, – и подвела графа к противоположному краю крыши. Ажурные силуэты портовых кранов привели графа в изумление.

– Это обездвиженные драконы?

– О нет, – ответила Ляля. – Это механизмы.

– Их сделали ремесленники?

– Ну да... – сказала девушка, доставая из сумочки мобильник. – Мессир, встаньте так, чтобы солнце освещало ваше лицо, я сфотографирую вас, если позволите.

– Здесь я в вашей власти, демуазель, – величественно ответил рыцарь и развернулся, повинаясь движению девичьей руки.

– Больно не будет, – хихикнула Ляля и сделала несколько кадров.

– Хочу мороженого, – сказала она, когда молодые люди вышли из донжона Выборгского замка.

– Ведите, demuазель.

– Мы проходили мимо киоска с мороженым, когда поднимались сюда, – пояснила девушка.

Они остановились у яркого киоска со сладостями. «Надо приучать рыцаря к нашим деньгам», – подумала Ляля, протянула купюру и сказала:

– Милорд, купите мне сахарную трубочку.

Он осторожно взял деньги и спросил:

– Сколько стоит это мороженое?

– Вот смотрите, – и девушка указала на ценник.

– Что это?

– Столько стоит мороженое, – ответила Ляля.

– Я не понимаю, – сказал граф, слегка, покраснев. – На каком языке это написано?

– Это арабские цифры, стилизованные под компьютерную графику.

– Арабские! Я их не знаю.

– А какие цифры вы знаете?

– Римские, конечно, – ответил сэр Луис. Девушка вынула из сумочки мобильник и вывела на экране комбинацию из буквы «X» и английской «I».

– Вот столько стоит мороженое, – сказала она. Граф протянул купюру продавщице и по-английски назвал мороженое. Сдачу отдал Ляле, мороженое держал сам и оглядывался в поисках столика – он успел уже убедиться, что люди будущего едят за тщательно накрытым столом.

– Обычно я ем мороженое, сидя на этой пушке, – Ляля кивком указала на старинное бронзовое чудовище. – Но сейчас мы спустимся вниз, милорд.

Ляля увлекла его почти к самой воде залива. Гранитный Воловий остров уже более семисот лет держит на себе Выборгский замок. Ляля достала из сумочки два пакета, накрыла валуны и пригласила графа садиться. Молодые люди ели мороженое – большие сахарные трубочки.

– Мое любимое мороженое это и крем-брюле, – пояснила Ляля.

Сэр Луис посмотрел на нее и серьезно сказал:

– Я очень виноват перед вами, демауэль!

– Что такое? – вскричала она, а цепкая читательская память выдала хлесткую фразу: «У господина Атоса пошаливает печень!»

– Я потерял ваше кольцо, – ответил граф.

– А, не беспокойтесь, монсеньор, – сказала девушка. – Кольцо лежит в моей шкатулке, но сегодня я его не надела, – и бросила довольный взгляд на свои пальцы, сверкающие цитринами в золоте и бриллиантовым лаком.

– Но как оно оказалось у вас? – продолжал изумленный сэр Луис.

– Когда я вернулась домой, кольцо было у меня на пальце, – сказала девушка. – Но за последний год я его редко надевала.

– Почему?

– Напоминает о многом, – жестко ответила она.

– Простите, донна Лилиана, – сказал граф и опустил глаза. «Я ни о чем не жалею!» – хотела сказать она, но прикусила язык и встала с валуна.

– Давайте обойдем остров.

Граф поднялся, и девушка повела его вокруг острова. Маленькие волны тихо плескали на валуны, качали солнечные зайчики, легкий ветерок нес морскую прохладу.

– Мы можем съездить на море в ближайшие дни, – сказала Ляля.

– Как угодно, донна Лилиана, – печально ответил граф и помог ей подняться по тропинке на верхний двор Выборгского замка. Ляля выкинула мусор в урну, и молодые люди пошли к выходу на яхтенный причал. Еще час они катались по заливу на маленькой белопарусной яхте. Ляля сидела, прислонившись к плечу сэра Луиса, и недописанная глава книги всплывала перед ее мысленным взором. Но яркое солнце, свежий ветер и радость плавного скольжения по воде быстро прогнали ее печаль. Граф первым прыгнул на причал и подал руку даме.

– Прошу, демуазель.

Молодые люди пошли вверх по Крепостной улице. Узкая, вымощенная булыжником, она походила на улицы Тулузы двенадцатого века. Все средневековые западноевропейские города имеют общие черты.

– Я хочу показать вам развалины доминиканского мона-

стыря, – сказала Ляля, когда молчание стало совсем невыносимым.

– Принадлежавшего инквизиторам? – спросил рыцарь.

– Да, – вздохнула Ляля. – Инквизиция – мрачная страница средневековой истории.

– Сейчас у вас она существует?

– Нет, ее отменили в девятнадцатом веке.

– Уже после того, как казнили французского короля? – уточнил граф.

– Да, – ответила Ляля и восхитилась его памятью – за несколько дней, в абсолютно новом для него мире запомнить столько сведений. Молодые люди свернули на Выборгскую улицу и остановились у краснокирпичных развалин – стреловидные ребра свода, и голубеющее сквозь них небо...

– Смотрите, мессир, так стали строить в Париже почти сразу же после вашего рождения, – сказала Ляля. – Так перестроена гробница французских королей Сен-Дени, построен собор Парижской Богоматери.

– Странно и больно видеть разрушенную церковь, – ответил граф.

– Она построена в тринадцатом веке, с тех пор на этих землях почти непрерывно шла война, – сказала Ляля и вспомнила «Выборгский гром» – неудачный штурм замка при Иване Грозном. – А знаете, какой символ был у доминиканцев?

– Нет, – с тонкой улыбкой ответил сэра Луис, а Ляля по-

краснела – он же не жил в то, будущее для него, время!

– Их символ – голова собаки с горящим факелом в пасти.

– Что ж, вполне понятно, символом псов господних может быть собачья голова, – сказал граф.

– А как вы объясните факел?

– Видимо, огонь веры обрушивается на еретиков.

– Вы правы, милорд, – ответила Ляля и слегка вскрикнула.

– Что такое?

– Споткнулась, – небрежно сказала девушка и подумала, что символы опричнины – голова собаки и метла – могли быть заимствованы Иваном Грозным у инквизиции.

– Готику называли еще «французской манерой», она распространилась по всей Европе, – продолжала Ляля. – В Петербурге есть несколько зданий в стиле неоготики девятнадцатого века.

– Позапрошлый век? – уточнил граф.

– Да.

– А причем тут готы?

– В восемнадцатом веке это название произошло от названия племени готов, которые к тому времени уже не существовали.

– А... – начал сэр Луис, но девушка с милой улыбкой взяла его под руку и жалобно сказала:

– Я проголодалась.

– Пойдемте обедать, миледи, – тут же сказал заботливый рыцарь.

– Мы пойдем в ресторан «Круглая башня». Она построена в шестнадцатом веке, но с тех пор город разросся, а башня стала рестораном в двадцатых годах двадцатого века, – рассказывала девушка, пока они подходили к рыночной площади. В ресторане они заказали полный обед, и Ляля с истинным наслаждением наблюдала, как ловко сэр Луис управляется с ножом и вилкой.

– Кофе мы выпьем потом, – заявила девушка. – А теперь пойдем в магазин.

Заинтригованный граф последовал за ней. В магазине они приобрели владельцу Монсегюра все, что нужно аристократу и в двадцать первом веке: элегантные костюмы – темный, серый, белый, джинсы, шорты, рубашки, майки, обувь, белье. Парфюмерию, бритву, ноутбук выбирала Ляля. Потом они зашли купить мобильник, и девушка вспомнила свой сон на первой ночевке на берегу Гаронны. «Рыцарю нельзя без мобильника», – усмехнулась она и помогла выбрать удобный аппарат, такой, чтобы не терялся в рыцарской длани, и с широкими кнопками – не промахнется. Номер, конечно, пришлось приобретать на паспорт Ляли.

– Позвольте сделать вам подарок, донна Лилиана.

– О, я не знаю, – девушка потупилась. Сейчас принимать подарки от рыцаря ей не казалось правильным. Они не в шестнадцатом веке, и у себя дома она может сама о себе позаботиться. Но мысленно взывая к своей гордости, девушка обвела взглядом мобильники в витрине. Один, розовый с метал-

лическим отливом, украшенный стразами, привлек ее внимание. И чем дольше она на него смотрела, тем больше он ей нравился. Большой экран, прямой вход в интернет... Ляля хотела сделать себе такой подарок на окончание университета. Она нерешительно взглянула на сэра Луиса.

– Выбирайте, демуазель!

Девушка подумала, что не стоит его обижать – он хочет порадовать ее.

– Пожалуй, этот. Спасибо, милорд, – сказала она и заплатила. Деньги графа были по-прежнему у нее в руках. Рыцарь взял только что купленную сумку, забитую обновками, коробку с ноутбуком, и они вышли на улицу.

– А не постричься ли вам, милорд? – ласково спросила Ляля.

– Вы отправляете меня в монастырь? Я еще не готов принять обет, – сказал граф.

– Какой обет? – удивилась она. – Я предлагаю вам подрезать волосы.

– У меня нет с собой кинжала. Вы же запретили мне брать с собой оружие, демуазель.

– В наше время стригут ножницами в парикмахерской. А вот и одна из них, – девушка решительно провела графа в местное модное заведение. Она поговорила с мастером о цене за работу, предупредила, что с иностранцем нужно говорить по-английски, и по-провансальски повторила все графу.

– Возьмите ваши деньги, теперь у вас есть карманы, – Ляля подала ему портмоне.

– А что вы будете делать, донна Лилиана?

Она задумалась – сделать маникюр или поработать? Стрижка и наведение лоска двадцать первого века на графа двенадцатого займет часа два, если не больше.

– Я пойду в Интернет-кафе и опробую ваш новый ноутбук, если вы позволите, – с милой улыбкой сказала она.

– Конечно, demuазель. Где мы встретимся? – бодро уточнил он. Цирюльники были и в двенадцатом веке.

– Я сама зайду за вами.

– Буду ждать, – с легким поклоном сказал граф.

– Но, впрочем, дайте мне ваш мобильник, – и Ляля быстро вбила в рыцарский телефон два своих номера, новый и старый.

– Если соскучитесь, можете мне позвонить, мессир, – она улыбнулась, послала графу воздушный поцелуй, взяла ноутбук, свою сумочку и перешла улицу. В Интернет-кафе она заняла место на два часа и попросила принести крепкий черный кофе. Быстро войдя в Интернет, Ляля просмотрела электронную почту и тихо улыбнулась: ничего тревожного, письмо от лучшей подруги Жанны, она вернулась из Стокгольма и жаждала пообщаться. Ляля полюбовалась видом знаменитой ратуши, а письмо однокурсника Кости выкинула в корзину, не читая. Ей не хотелось его видеть. «Опять будет просить содрать рефератик», – безглаголиво подумала она.

Незаконченная глава книги тем временем выстроилась в голове Ляли. Создав новый файл, девушка поспешила перенести задуманное в ноутбук. Поставив точку и закрыв его, девушка увидела, что два часа уже прошли. Она попросила еще кофе и с нового телефонного аппарата позвонила рыцарю. Он не отвечал. Немного встревожившись, Ляля выпила кофе и рассчиталась. В кошельке ее внимание привлекла свернутая бумажка. Девушка выхватила ее, ощутила в пальцах жесткий кругляшок и мысленно выругалась: «Какая же я дура, чуть не выкинула золотую монету!» Она еще раз позвонила графу, но безуспешно. Встревоженная Ляля схватила вещи, перебежала улицу и ворвалась в парикмахерскую. Мягкие диваны в холле были пусты. Девушка вошла в зал, где работают парикмахеры, и обвела его грозным взглядом. Знакомой золотистой макушки не видно ни в одном из кресел. Ноги Ляли подогнулись, она набрала в грудь воздуха и крикнула:

– Монсеньор! – как будто звала его через восемьсот разделявших их лет.

– Донна Лилиана, – отозвался родной – да, уже родной – голос. Она развернулась на каблуках, едва расслышав первые звуки почтительного средневекового обращения. Сэр Луис сидел у окна в мягком кресле, а над его пальцами колдовало эфемерное существо в коротком розовом халате. Брови Ляли неудержимо поползли вверх – рыцарю делают маникюр.

– Почему вы не отвечали мне, мессир? Я звонила два раза, – взволнованно произнесла она.

– Простите, миледи, мои руки заняты.

Ляля сурово посмотрела на маникюршу и спросила:

– А где мобильник ваш?

– Здесь, демуазель, – и он коротким кивком указал на левый нагрудный карман своей джинсовой рубашки. Ляля подошла еще ближе. И в одежде двадцать первого века граф де Монсежюр выглядит аристократом – аура силы и власти исходит от него. «Как он похож на Раймонда Тулузского», – с неизбывной болью, длящейся уже год, подумала Ляля.

– Извините, девушка, а это артист? – спросила юная маникюрша, восторженно глядя на сэра Луиса.

– Артист из Франции, только что со съемок, – отчеканила Ляля. – Не брился, не стригся, входил в образ.

– А в каком фильме он снимался?

– «Рыцарь со львом», – название романа Кретьена де Труа легко сорвалось с языка Ляли, ведь и на щите сэра Луиса изображен могучий зверь породы кошачьих.

– Этот фильм будет представлен на фестивале у нас в Выборге?

– Опоздали, милочка, была закрытая премьера сегодня утром, – злорадно сказала Ляля. – Артист был в образе до последнего момента, чувствуете, как натер мозоли мечом.

– Да, – пискнула маникюрша.

Ляля поставила ноутбук к ногам рыцаря, положила локоть

на его плечо, а пальцами другой руки скользнула в нагрудный карман его рубашки за мобильником. От волос и щек сэра Луиса исходит запах дорогой парфюмерии, обволакивающий чувства, смущающий разум. Девушка открыла телефон, убедилась, что он работает, вернула его на место и нечаянно прижалась щекой к щеке рыцаря. Кожа его, гладкая, ароматная, обожгла ее, и Ляля быстро отстранилась. Ей захотелось запустить пальцы в его золотистые волосы и растрепать безупречную прическу, но она быстро подавила дурацкое желание и сурово спросила:

– Девушка, долго еще вы будете делать маникюр иностранному артисту?

– А вы его переводчица?

– Да! – резко сказала Ляля, меряя девушку грозным взглядом.

– Двадцать минут, – ответила маникюрша. – Понимаете, такие сложные ногти, и лак надо подобрать.

– Пожалуйста, бесцветный, быстросохнувший, покрыть один раз, – отчеканила Ляля и покраснела. Двадцать минут наблюдать, как маникюрша прикасается к ее рыцарю... Ляля беззвучно ругнулась и сказала:

– Пойду, пройдусь!

– Дамская комната у нас направо, – вежливо подсказала маникюрша.

– Спасибо, я пройду по улице. Пока, милорд, – Ляля помахала ему и выскочила из парикмахерской. Чтобы не те-

рять времени, она решила продать антиквару золотую монету. Знакомый салон располагается почти рядом с парикмахерской. Девушка отчаянно рванула тяжелую дверь. Утром ее легко открыл сэр Луис. Звякнул колокольчик, и Ляля влетела в салон. Антиквар поднял голову и усмехнулся из-за прилавка:

– Успели опять побывать в Венеции?

– Я? А... нет.

– Что-то еще имеете на продажу?

– Да, – девушка вынула из сумки и протянула антиквару золотую монету. Он взял лупу и внимательно рассмотрел неровный кругляшок. Глаза его опять вышли из орбит:

– Это же динар двенадцатого века!

– Восточный? – удивилась она.

– Именно.

– Сколько же он стоит? – прерывающимся голосом спросила запыхавшаяся от бега и волнения девушка.

– Он бесценен, ему место в музее.

– Я бы хотела его продать, – твердо сказала Ляля.

– Где вы находите такие редкие монеты?

– Эту я нашла недалеко отсюда, на Выборгской улице, – нагло сказала она.

– Где? – выдохнул пожилой антиквар.

– У развалин доминиканского собора, – с милой улыбкой ответила девушка и попыталась не покраснеть – христианке лгать стыдно.

– А где ваш спутник?

– Здесь недалеко, в парикмахерской. Так вы дадите мне денег, или я поищу другой антикварный салон?

С тяжелым вздохом антиквар полез под прилавок и отсчитал Ляле пачку денег. «Я только что продала добычу Третьего крестового похода», – потрясенно поняла она, пряча купюры.

– Девушка, вам плохо, вы так побледнели, – взволнованно сказал хозяин салона.

– Нет, все в порядке, благодарю вас, – улыбнулась она.

– Если что-нибудь еще найдете – несите, куплю с радостью, – сказал антиквар и вручил ей визитку. – У вас легкая рука.

– Непременно, – рассеянно ответила она.

– Может быть, вы нашли клад тамплиеров, монеты двенадцатого века, и одна с Востока, – вкрадчиво осведомился он.

– Здесь, в Выборге?! – вскричала Ляля. – И вы верите в легенды об этих их таинственных сокровищах?

– Но где-то же они должны быть, – сказал антиквар.

– Возможно, они там, где перстень их главного магистра Жака де Молэ, – рассеянно произнесла девушка.

– Случайно не у вас? – умильно улыбнулся антиквар.

– У меня? Помилуйте, откуда? – ответила она и спрятала визитку. Охранник распахнул дверь. Девушка мило улыбнулась, сказала:

– До свиданья, – и бросилась к парикмахерской. Звонок

мобильника раздался, когда она влетела в холл. Беззвучно выругавшись, она присела на диван и достала телефон из сумочки.

– Жанна!

– Лилька, привет, ты получила мое письмо?

– Да, сегодня.

– Ты сейчас где?

– Сейчас гуляю по Выборгу, а вообще – на даче.

– Ляля, я хочу приехать к тебе и рассказать про Стокгольм.

– Жанночка... – замялась Ляля.

– Что, ты не одна? – вскричала подруга.

– Ну... да, – выдавила Ляля.

– Твои родители меня любят, – спокойно сказала Жанна.

– Да, но они сейчас во Франции.

– Кто же у тебя сейчас?

– Кот... – честно сказала Ляля.

– Лилька, не темни, это Костя?

– Нет, что ты! – вскричала Ляля.

– А кто? – жадно выдохнула подруга.

– Потом расскажу, – уклончиво сказала Ляля.

Их разговор прервала телефонная трель. Ляля схватила новый мобильник.

– Это мой новый телефон звонит, – пояснила она подруге. – Да, мессир, – протянула она по-провансальски.

– Донна Лилиана!

– Слушаю.

– Где вы, demuазель?

– Он иностранец? – изумлению Жанны не было предела.

– Здесь, милорд, – ответила Ляля по-провансальски. – Я тебе потом позвоню, – добавила она по-русски и закрыла старый телефон.

– Я освободился, demuазель, – сообщил граф.

– Очень хорошо, я в холле на диване, выходите, мессир, – продолжила она по-провансальски.

– Иду, донна Лилиана.

– Жду, – девушка спрятала в сумочку оба мобильника, и рот ее расплылся в широкой улыбке – рыцарь вышел, одетый по моде двадцать первого века – джинсовая рубашка, светлые брюки, кроссовки. В руках он держал сумку и ноутбук.

– Вы прекрасно выглядите, милорд, – искренне воскликнула она, вставая.

– Куда мы теперь, донна Лилиана? – он слегка покраснел под ее восторженным взглядом.

– Возвращаемся на дачу.

– Идем на вокзал?

– Нет, попросим администратора вызвать нам такси. И, кстати, я продала вторую монетку.

– Кому? – удивился сэр Луис.

– Тому же антиквару. Он дал мне визитку, а вот деньги.

В такси Ляля усадила сэра Луиса на заднее сидение

и устроилась рядом. Она устала за этот долгий день в Выборге. Глаза ее закрылись, и она немного поспала, прижавшись к рыцарю. Очнулась она, стоя на дорожке у своей дачи.

– Извините, милорд, я, кажется, заснула.

– Да, донна Лилиана.

– Сейчас открою дверь. Но как вы заплатили таксисту?

– Вашими деньгами, – усмехнулся он.

– А откуда вы узнали, сколько платить?

– Таксист назвал мне сумму по-английски.

Ляля распахнула двери, кот пулей вылетел на улицу.

– Мой бедный! – вскрикнула девушка.

Рыцарь занес вещи.

– Что приготовить на ужин, милорд?

– А что есть?

– Взгляните в морозилке, – ответила она и побежала наверх переодеваться.

Спустившись вниз, Ляля почуяла вкусные запахи и улыбнулась: милорд жарит котлеты. «Научился», – удовлетворенно подумала она, очень не любившая домашнюю работу. Взгляд ее с обожанием скользнул по сильной стройной фигуре графа, и она весело позвала:

– Милорд!

Он быстро повернулся к ней:

– Миледи!

– Возвращаю вашу пропавшую драгоценность, – и она протянула на раскрытой ладони свое кольцо с розовым кам-

нем.

– О, донна Лилиана, – граф опустился на одно колено и благоговейно принял кольцо, которое носил в двенадцатом веке.

– Я отдала его вам, милорд, в Тулузе по движению души. Носите его и сейчас, мой верный рыцарь, – торжественно произнесла она, глядя на него сверху вниз. Синие и зеленые глаза встретились, и Ляля почувствовала, что его глаза заслоняют весь мир. Робкая растерянная улыбка появилась на ее губах, она шагнула вперед, чтобы прижать к себе его голову. Громкое требовательное мяуканье и шелковистое прикосновение к ноге нарушило их внезапный тет-а-тет. Девушка вздрогнула. Кот, пришедший с улицы, требовательно терся об ее ноги.

– Сейчас, мой сладкий, – сказала она, отступила от рыцаря и вынула корм из холодильника. Кот окинул их мрачным зеленым взглядом и подошел к своему блюдцу. Граф встал и выключил котлеты.

После ужина Ляля в восторге занялась их новыми телефонами – переставила симки, изучала функции и показывала сэру Луису как обращаться с его новой техникой. Спать они разошлись около полуночи. Усталая девушка спала как убитая, сны не тревожили ее.

Прошло несколько дней. Ляля и ее средневековый гость жили на даче. Девушка писала книгу и помогала сэру Луису осваиваться в двадцать первом веке. Он научился считать,

заменяя латинские буквы арабскими цифрами. Ляля удивлялась его ясному уму и жажде все время узнавать что-то новое. Средневековый человек мог быть и таким – истинным сыном своей эпохи, когда людьми овладело беспокойство, стремление дойти до сути вещей, жажда перемен. Граф Монсегюр не переставал учиться, ноутбук не отпугивал его. Он читал книги с экрана, рассматривал знакомые и незнакомые страны и города, коллекции музеев, переводил Ляле для ее книги с латыни слова и выражения, растолковывал многослойные значения средневековых символов, гербов, девизов и аллегорий. Они вместе купались в озере, ходили в магазин, готовили. Денег от продажи золотой и серебряной монет хватало и на приятные мелочи – граф полюбил мороженое и шоколад двадцать первого века. Мирные спокойные солнечные дни радовали теплом. Ожог на его груди превратился в старый шрам, и Ляля в который раз удивилась выносливости средневекового воина.

Теплым летним вечером они сидели на открытой террасе дачи, пили кофе, ели мороженое, рыцарь, уже не стесняясь девушки, надел новые белые шорты. Роскошный новый телефон Ляли разразился звонкой трелью. Сэр Луис не вздрогнул и аккуратно поставил чашку на блюдце. Девушка схватила его подарок и прочитала эсемеску – Зоя Алексеевна просила скорее приехать в Питер. Ляля посмотрела на экран мобильного и вздрогнула – девять часов вечера. Год назад в это самое время началось ее большое средневековое приключе-

ние. Она досадливо передернула плечами и ответила согласием любимой преподавательнице.

– Мне надо поехать завтра в Петербург, – сообщила она графу.

– Могу ли я сопровождать вас, миледи?

Она улыбнулась:

– Конечно, мы ходим в мой университет, погуляем по городу и вечером вернемся на дачу.

– Зачем нам возвращаться?

– Кот остается один. Можно, конечно, взять его с собой, – ответила Ляля и поежилась – прошлогодние грозные события упрямо всплывали в памяти – она попала в средневековье, ловя непослушного кота. Сейчас она не хотела его ловить, боясь снова попасть в прошлое. Значит, придется возвращаться на дачу.

– Как скажете, demuазель, – согласился граф.

– Придется выехать рано.

– Я встаю рано, как привык в походной жизни, – сказал сэр Луис. Ляля улыбнулась ему:

– Знаю.

Он приподнял бровь в немом вопросе, и сердце девушки уже привычно покатилося в пятки – удивленное выражение придало его красивому лицу трогательную незащищенность.

– Я помню, в наших поездках по Пиренеям вы всегда вставали раньше меня, – быстро сказала она.

– Не всегда, – мрачно произнес он.

– О, это было один раз! – вскрикнула она. Не рассказывать же ему, что каждое утро на рассвете она поднимается по звонку моби́льника, подходит к окну спальни и сквозь тюлевые занавески наблюдает за утренней зарядкой графа и его разминкой с верным мечом. Со второго этажа он выглядит лучше, чем Эдриен Пол в «Горце», а посмотреть наверх ни разу не догадался.

– Идите спать, донна Лилиана, я уберу со стола.

Ее тут же стало легко и стыдно – домашняя работа, что может быть противнее.

– Спасибо и спокойной ночи, милорд, – она послала ему воздушный поцелуй, схватила свой моби́льник и взбежала по лестнице в спальню. Намазавшись ночным кремом и установив будильник на полвосьмого, Ляля легла в кровать и задумалась о завтрашнем дне. Она уже убедилась, что с рыцарем можно появляться в обществе, он ее не скомпрометирует. Как представить его Зое Алексеевне? Не рассказывать же чистую правду, что они познакомились в Пиренеях восемьсот лет назад? Девушка закрыла глаза. Тут же образ графа в белых шортах с мечом за спиной предстал ее мысленному взору. Ляля вздрогнула, хихикнула и заснула. Когда она открыла глаза, была уже глубокая ночь, яркая луна заглядывала в завешенное тюлем окно.

– Донна Лилиана, – раздался за дверью знакомый голос. Девушка с бьющимся сердцем соскочила с постели и босиком по лунной дорожке пошла к двери. Короткая ночная

рубашка едва прикрывала ее тело. Заметила она это только у порога и остановилась нерешительно. Одеться? Но ее зовет сэр Луис:

– Донна Лилиана!

– Иду, – ответила она, повернула ключ и резко распахнула дверь. Яркое солнце ударило в глаза, и девушка зажмурилась, пережидая временную слепоту, а когда разлепила веки, ее окружало людское море, и она возвышалась над всеми. Ляля увидела, что стоит на перроне Монсегюра, а воины в кольчугах смотрят на нее снизу вверх. Девушка попыталась понизить натянутую ночную рубашку, но не смогла. Суровые воины почтительно смотрели ей в лицо, и она приободрилась: «Тоже мне, ведьма Катти Сарк, короткая рубашка! Инквизицию здесь еще не ввели?» Она с интересом узнавания окинула взором крепостные башни и стены Монсегюра. Воины посторонились. Через раскрытые ворота во двор замка въезжал сам хозяйинна Глере. Начищенные рукава кольчуги рыцаря выглядывают из-под белого плаща с красным крестом, сверкают в ярких солнечных лучах, золотые кудри его сияют ярче кольчуги, синие глаза с восхищением изучают лицо Ляли. Он подъехал к перрону и приветствовал ее:

– Донна Лилиана!

– Мессир! – радостно вскрикнула она.

– Приглашаю вас на прогулку!

– Куда?

– За стены Монсегюра, – ответил он и властно протянул

руку. Она ухватила за нее и привычно устроилась перед его седлом, свесив ноги на одну сторону, сжав колени. Граф развернул Глера и направил его обратно в ворота. Они проехали под поднятой герсой и вырвались на простор высокогорья. Голубое небо и синеющие гряды Пиренеев опять наполнили Лялю холодком восторга. Легкие облака плыли в синеве и постепенно приближались к едущим. Стук копыт прекратился. Девушка обернулась к спутнику:

– Куда мы едем, милорд?

– Взгляните, демуазель, – рука в блестящем наруче указала вперед и вверх. Ляля посмотрела и замерла в восхищении. Облака разошлись и открыли вход в небесный город с золотыми стенами. К нему ведет лестница из семи драгоценных ступеней – мрамор, яшма, аметист, сапфир... Копыта Глера звонко процокали по драгоценным камням, хрустальные ворота распахнулись перед рыцарем и дамой. Над воротами бриллиантовым блеском вспыхнула яркая звезда.

– Где мы? – вскричала потрясенная Ляля.

– В небесном Иерусалиме, – ответил граф..

– А что мы будем здесь делать?

– Прогуляемся по райским кушам, – спокойно ответил он. Ляля на всякий случай прижалась к нему покрепче и взглянула вниз. Вытянутый пятиугольник замка Монсегюр на горе едва просматривался, его закрывали медленно плывущие белые облака. Хрустальные ворота резко захлопнулись за прибывшими на небо, раздался оглушительно резкий

звук. «Они разбились», – с болью в сердце поняла Ляля и закрыла ладонями уши – небесный хрусталь бился с резким звоном. Потеряв равновесие, девушка соскользнула с Глера и полетела вниз. Перед ее глазами мелькало синее небо, белые облака. Она в ужасе зажмурилась, ожидая удара о землю, а когда открыла глаза, оказалось, что она лежит, обнимая подушку, а будильник в мобильнике оглашает спальню резким звоном. Девушка отключила мобильник и подумала: «Как жаль, что мне... нам не удалось погулять в раю!» Яркий запоминающийся сон. Такие бывают несколько раз за всю жизнь. Надевая купальник, Ляля напевала: «Облака, белокрылые лошадки...» – видение проносящихся рядом облаков было реальнее собственной спальни. Девушка спустилась вниз и поставила чайник. Перед двухчасовой поездкой в Питер надо поесть поплотнее. Опаздывать нельзя – Зоя Алексеевна не любит ждать.

– Пойдете купаться, мессир? – выйдя на крыльцо, спросила она у окончившего утреннюю зарядку графа.

– Нет, я лучше приму душ.

– Как угодно, – Ляля побежала к озеру, радуясь этим минутам полного уединения. Творческие идеи часто посещали ее во время ходьбы. Рыцарь отправился в душ. Падение упругих струек воды завораживало его, ароматный гель, выбранный гостеприимной хозяйкой, ласкал все чувства. Сэр Луис потихоньку привыкал к жизни двадцать первого века, открывавшейся ему привлекательной стороной. Донна Ли-

лиана держалась с ним по-дружески, ничто в ее поведении не выдавало, что она помнит их объяснение в крипте Монсегюра. Он же помнит все до последней подробности – ее внезапный румянец, радостный блеск глаз, вкус... Но граф запретил себе вспоминать, это для него прошло меньше недели, а для нее миновал год, и если она не хочет вспоминать то, что было между ними – ее право. Рыцарь растерянно улыбнулся. Оказывается, он исполнил свой обет, данный в двенадцатом веке – доставил домой леди Лилиану. Для этого ему не пришлось ехать в Альдейгьюборг, достаточно было привести свою гостью в крипту замка Монсегюр, и Святой Грааль исполнил ее сокровенное желание. Насвистывая, хозяин Монсегюра пошел готовить завтрак. Девушка вбежала в кухню, когда он заливал кипятком овсяные хлопья – ее любимое утреннее кушанье. Граф изумлялся, как может нежная леди Лилиана питаться этой лошадиной едой. Это блюдо в обширной кухне будущего вызывало его недоумение, но желание дамы – закон для ее верного рыцаря. Граф предпочитал бутерброды с ветчиной и сыром. Ляля показала, как их делать еще в двенадцатом веке, а сейчас приучила его и к крепкому черному чаю – альтернативе кофе.

– Доброе утро, мессир, – войдя в кухню, розовая от купания и бега, сказала она.

– Доброе утро, миледи.

– Вы готовы к отъезду?

– Да, донна Лилиана.

Сегодня граф оделся скромно – белые брюки и майка, обтягивающая скульптурный торс.

– Вы очень элегантно выглядите, милорд, прямо как Апполон Бельведерский, – восторженно сказала Ляля. Он уже познакомился виртуально с музеями Ватикана, поэтому слегка покраснел от великолепного комплимента и ответил:

– Благодарю, демауэль.

– Не за что, – она сверкнула зелеными глазами, схватила с блюда бутерброд и побежала переодеваться. После купания в озере она исполнена энергии и радостно предвкушает встречу с любимым педагогом. Книга ее с помощью графа продвигается хорошо. Ляля, весело напевая, надела джинсовую мини-юбку и белую кружевную кофточку с рукавами-фонариками. Идти в кроссовках по любимому городу не хотелось, и девушка обула белые лаковые босоножки на шпильках. Одежда красиво оттенила ее северный загар, зеркало подтвердило, что сегодня она выглядит великолепно. Улыбаясь, девушка взяла белую сумочку с флэш-кой, деньгами, документами и спустилась в кухню. Граф ждал ее за уже накрытым столом. После молитвы они поели, Ляля быстро помыла посуду, и молодые люди отправились на станцию. Два часа в электричке пролетели быстро, они любовались видами Карельского перешейка в разнообразном освещении – бегущие по небу облака и тучки иногда закрывали солнце, но с приближением к Петербургу небо очистилось, и августовское солнце вжарило во всю мощь. Ляля

надвинула на глаза свои темные очки и предложила спутнику сделать то же самое.

– Жаль, что у меня в Палестине не было этого приспособления, – сказал граф.

Они вышли на перрон. Граф со знанием дела приложил свой билет к турникету, распахнул дверь перед Лялей и другими пассажирами. Он стоял бы так долго, но девушка взяла его под руку и стащила вниз по ступенькам.

– А теперь мы опять поедem в поезде, только подземном, называется метро, – объяснила она, и, не отпуская, завела графа в подземный вестибюль. Здесь она купила ему карточку на двадцать поездок и объяснила, как ею пользоваться. На эскалаторе она держала его за плечо и тихо приговаривала, что все хорошо. С прибытием поезда граф потерял дар речи. Он опомнился уже в вагоне, Ляля обнимала его за талию, и рыцарь забыл, что испугался. От волос девушки исходит свежий сладкий аромат розы, от движения вагона она вжимается в него, он чувствует ее тело как продолжение своего. Ляля грудью ощутила бешеный стук его сердца и удивленно взглянула ему в лицо. Рыцарь откинул голову, закрыл глаза и задержал дыхание – так близко к донне Лилиане он еще никогда не был.

– Подъезжаем, мессир, – радостно сказала она, взяла его за руку и повела к выходу. Растерянный, оглушенный, он быстро пришел в себя – донна Лилиана отстранилась, и ему стало легче. Ляля вступила на эскалатор впереди графа

и встревоженно обернулась, но горец не убоился движущейся наверх лестницы и был вознагражден: девушка положила руку ему на плечо.

– Вам уже лучше, милорд?

– Да, демуазель.

– Сейчас мы выйдем на улицу и купим воды, – пообещала она. – Следуйте за мной.

Через заново отделанный вестибюль они вышли на улицу.

– Вам легче, мессир? – спросила Ляля и быстрым взглядом окинула его лицо – бледное под загаром, с испариной на висках. Рыцарь слабо улыбнулся:

– Не беспокойтесь за меня, донна Лилиана.

– Хотите холодной воды или зайдем выпьем кофе?

– Демуазель, вы не опоздаете на встречу с вашим профессором?

– Зоя Алексеевна – доцент, но уже пишет докторскую диссертацию, – сказала Ляля. – И, вы правы, она ценит свое время.

– Так идемте, донна Лилиана.

– Сейчас мы увидим сердце нашего города, – девушка вела своего гостя мимо Петропавловской крепости к Троицкому мосту.

Ярко светило солнце, но ветер с Невы уносил лишний жар. Ляля с наслаждением подставила лицо свежему речному ветру. Заколка ее упала, и волна русых волос полетела вслед девушке. Граф быстро поднял упавшую на асфальт

безделушку. Ляля улыбнулась и сунула ее в сумочку.

– Причешусь в институте. Смотрите, милорд, отсюда пошел наш город.

Они остановились на середине Троицкого моста. Синюю широкую гладь Невы морщили небольшие волны, солнечный свет, касаясь воды, дробился на маленькие зеркала. Золотой шпиль Петропавловского собора взлетал в синее небо, отражение его качалось у берега.

– Это мой самый любимый вид в Петербурге, – воскликнула девушка. Сэр Луис благочестиво перекрестился на шпиль собора и взволнованно спросил:

– Донна Лилиана, крест вашего собора держит ангел?

– Да, мы живем под его покровительством, – скромно ответила Ляля. – Зоркие же у вас глаза, мессир.

– В горах иначе не выжить, донна. А что это там, на острове? Греческий храм? – граф восхищенно созерцал открывающуюся с моста панораму.

– Это биржа, – ответила Ляля. – Там в девятнадцатом веке был порт, шла торговля.

– Ваша Нева похожа на море у берегов Венеции.

– О да, я так люблю это место, – воскликнула девушка и тихо добавила: – Но я полюбила и вашу Гаронну.

Граф, молча, поцеловал ее руку. Его губы обожгли нежную кожу. В сумочке Ляли раздалась призывная музыка Моцарта. Девушка выдернула руку из широкой ладони крестовосца, схватила мобильник, поморщилась и скинула вызов.

Костя ей уже надоел. Вызов раздался снова.

– Я занята, – раздраженно крикнула Ляля и вернула телефон на место.

– А если позвонит ваша мама? – коварно осведомился граф.

– Ничего, я сама перезвоню ей сегодня вечером, – ответила девушка и взяла его под руку, чтобы шедшие по мосту прохожие не разъединили их. В солнечный день здесь многолюдно. Сделав несколько шагов, они посмотрели в другую сторону, выше по течению Невы.

– Смотрите, милорд, река делает излучину. Там стоит Смольный монастырь.

Гармоничное величавое здание радует глаз белым куполом, голубым фасадом и изяществом пропорций.

– Это православный храм? – осведомился рыцарь.

– Да, бывший, он построен в восемнадцатом веке итальянским зодчим Растрелли в традициях русского православия.

– Через пятьсот лет после падения Монсегюра, – вздохнул граф.

– О, мессир, не расстраивайтесь, – сказала Ляля и заговорщицки усмехнулась: – Знаете, есть легенда, что Святой Грааль пребывает у нас в Петербурге.

– Где? – выдохнул граф, бледнея. Ляля развернула его в другую сторону и указала на Петропавловский собор.

– Вон там, в соборе Петра и Павла.

Рыцарь остановился и молча взялся руками за перила мо-

ста.

– Говорят, – коварно продолжила девушка, – чаша покоится в этом соборе, в гробнице императора Петра Первого, основателя нашего города.

– Чаша находится в крипте замка Монсежюр, – простонал сэр Луис. – И она соединила нас, донна Лилиана!

– Может быть, она исчезла оттуда, когда ваш замок пал? – осторожно сказала девушка.

– Как она попала сюда?

– Ее привезли тамплиеры в четырнадцатом веке перед падением своего ордена. Помните, мы читали в интернете – король Франции Филипп Красивый...

– Я помню, – голос граф был тих как у смертельно раненого. – Продолжайте, демуазель.

– Так вот, тамплиеры сокрыли ее на этом невском острове, – разливалась Ляля, спеша поделиться сведениями, почерпнутыми из желтой прессы. – Петр – Первый побывал в Англии, получил там посвящение в рыцари ордена тамплиеров и вернулся домой, чтобы отвоевать эти места у шведов.

– Вижу, что отвоевал, – сказал сэр Луис.

– Он и после смерти охраняет сакральную чашу.

– Вы верите в это, донна Лилиана?

Она вздохнула и светло улыбнулась:

– Я верю в Бога и могущество Святого Грааля. Как мне не верить, если я созерцала его, и он вернул меня домой!

– Вы верите, что он здесь, у вас в Петербурге? – вскричал

граф, и глаза его загорелись как синие звезды.

– Нет, – сказала Ляля. – Вернее, я не знаю. Может быть, если мы войдем в собор, то ощутим его эманацию. Я думаю, мы узнаем ее.

Рыцарь повернулся к ней, лицо его просияло:

– Мы пойдем сегодня в этот собор, донна Лилиана?

– Вы уже хотите покинуть меня, мессир? – с упреком сказала она. Он опустился перед ней на колени и обнял стройные загорелые ноги.

– Я должен вернуться домой, поймите, моя донна.

– Разве вы не привыкли к нашей жизни? – Ляля положила руки ему на плечи, замыкая круг, который он не осмелится разорвать, если любит ее. Или осмелится, если его заставит рыцарская честь?

– Донна Лилиана, я изгнанник здесь, а, вернувшись, возможно, сумею спасти Монсегюр, – твердо сказал он.

Ляля резко запустила пальцы в его волосы на затылке, ему пришлось запрокинуть голову и взглянуть ей в глаза. Его взгляд был прям и честен, как всегда, ее глаза заволокли слезы.

– Я не отпущу, – выдохнула она и склонилась над ним. Их губы соединились неотвратимо, как стрелки часов, большая и маленькая. Ляле показалось, что звонкая страшная поступь вечности раздается совсем близко. Девушка приоткрыла губы, сомкнула ресницы, и свет ярче солнца вспыхнул под ее веками. «Грааль рядом?» – удивилась Ляля,

и все мысли исчезли из ее головы. Прохожие со смешками обходили страстную парочку, перегородившую тротуар, но влюбленные оказались в своем особом мире. На колокольне собора пробили часы, заиграли куранты. В затуманенном страстью мозгу Ляли вспыхнуло назначенное время встречи с преподавателем. Она вздрогнула, рванулась, граф тут же разжал объятия и поднялся.

– О, я опоздала, – вскрикнула Ляля, и слезы потекли по ее щекам.

– Бежим, – рыцарь схватил ее за руку и повлек вперед. Девушка бежала, придерживая сумочку, от слез в ее глазах все расплывалось. Они пронеслись по Троицкому мосту и удачно, на зеленый свет, перебежали Дворцовую набережную. У самого входа в университет Ляля налетела на девушку. Та отшатнулась с воплем:

– Смотри, куда прешь!

– Простите, я спешу, – бросила Ляля.

– Лилька! – взвизгнула ушибленная девушка.

– Жанна! – Ляля остановилась, откинула с лица растрепавшиеся волосы и бросилась на шею подруге. Девушки расцеловались. Жанна, почти одного роста с Лялей, из-за плеча подруги окинула ее спутника оценивающим взглядом и заинтересовалась – высокий, красивый, мужественный. Он вернул внимательный взгляд подруге своей донны – прекрасная брюнетка, короткие, завивающиеся в колечки волосы, огромные синие глаза, курносый нос, большой мягкий

розовый рот, коричневый северный загар. Граф уже понял, что местные дамы и девицы охотно подставляют свою светлую кожу жарким лучам северного солнца.

Ляля оторвалась от подруги и сказала:

– Я спешу, меня ждет Зоя Алексеевна.

– Хочешь, я тебя провожу и подожду.

– Я не одна.

– Мы пока выпьем кофе с твоим спутником.

Глаза Ляли стали как зеленое стекло:

– Мой спутник граф де Монсегюр, моя подруга Жанна Химичева из Вологды, – церемонно представила она и повторила по-провансальски для графа. Он поклонился и произнес:

– Кофе мы выпьем втроем, попозже.

– Граф подождет меня, – перевела подруге Ляля и бросилась вверх по лестнице. У кабинета любимого педагога из лялиной сумочки раздался звонок.

– Ну вот, опять... – выдохнула девушка, выхватила телефон и сунула подруге.

– Выключи его, пожалуйста, я очень спешу.

Жанна взяла дорогой телефон, а Ляля метнулась в дамскую комнату. Наскоро умывшись и причесав волосы, она вернулась и постучала в дверь.

– Войдите, – раздался знакомый приятный, но с властными нотками голос.

– Это я, Зоя Алексеевна, – Ляля переступила порог. –

Простите, я немного задержалась.

– Ничего, дорогая, входи. Как твоя книга?

– Продвигается по плану, – девушка опустила на стул и вынула флэшку из сумочки. – Я написала еще две главы.

– На чем ты остановилась?

– Я задумалась, существует ли связь между перестройкой замка Монсегюр в тысяча двести четвертом году и усиливающимся давлением на Лангедок Святого Престола?

– Да, интересная тема.

– Слишком мало определенных фактов, все тонет в море околонуточных теорий и откровенных измышлений, – продолжала Ляля. – А иногда фактам намерено дают ложную трактовку.

– До тысяча двести четвертого года развалины замка принадлежали графам де Фуа, – сказала Зоя Алексеевна, и память услужливо развернула перед Лялей картинку – сияющим солнечным днем она стоит на стене замка Монсегюр, ветер треплет складки ее синего атласного платья, и дядя сэра Луиса показывает ей белую сторожевую башню графов де Фуа. Неужели она действительно побывала в двенадцатом веке, в далекой горной стране?

– Освети тему в таком духе, – закончила Зоя Алексеевна и отдала флэшку.

– Да, спасибо, – ответила Ляля, занятая своими мыслями.

– Я прочитаю твой материал и позвоню.

– Спасибо, Зоя Алексеевна, – девушка одобрительно по-

смотрела на любимого педагога – среднего роста, хрупкая, голубоглазая, со светлыми кудряшками, старше Ляли лет на пятнадцать, но уже многого добилась в жизни – доцент престижного университета. Элегантная, излучающая здоровье, она являла студентам образец изящества, хорошего вкуса, целеустремленности. Под ее руководством Ляля планировала защитить диссертацию.

– Мне нравится твоя трудоспособность. Думаю, к ноябрю ты закончишь книгу.

– Закончу, – твердо сказала Ляля.

– Тогда до свиданья, дорогая, созвонимся.

– Меня ждет Жанна. Мы собираемся выпить кофе.

– Пожалуй, и я выпью чашечку с вами, вы умные, креативные студентки.

Девушка улыбнулась:

– Ваша похвала много значит для меня.

Зоя Алексеевна поднялась из-за стола, Ляля взяла сумочку, и они вышли в коридор. Рыцарь встал с дивана, где Жанна пребывала в опасной близости к нему, и поклонился дамам.

– Зоя Алексеевна – граф Луис де Монсегюр, – коротко представила Ляля и добавила: – Он недавно прибыл с юга Франции, занимается историей крестовых походов, особенно третьего.

– Вы и сами владеете оружием, шевалье? – спросила прекрасная Зоя – историка-медиевиста трудно обмануть.

– О да, – скромно поклонился граф.

– Мы можем разговаривать по-английски, – сказала Ляля. – У сэра Луиса в Петербурге украли документы, поэтому он пока остановился у меня на даче.

Жанна завистливо вздохнула:

– Ты не теряешь времени даром. Вы давно знакомы? А как же Костя?

– Что Костя? Я ему ничего не обещала, – прошипела Ляля на ухо подруге, придерживая графа за локоть.

– Возьми свой навороченный телефон, – Жанна сунула Ляле розовый аппарат, Ляля небрежно кинула его в сумочку.

В университетском кафе они расположились за столиком, граф, не слушая возражений дам, заплатил за всех, разговаривали по-английски.

– Милорд, вы родились неподалеку от Монсегюра? – спрашивала Зоя.

– Да.

– Но я считала, что это владения графов де Фуа.

– Наши семьи поделили земли по реке Арьеж в девятом веке, – пояснил граф.

– И вы изучаете историю Третьего крестового похода? – спросила Жанна, хлопая длинными ресницами.

– Я даже побывал в Палестине и Иерусалиме, демуазель.

– Мессир граф знает массу сведений о Ричарде Львиное Сердце и Фридрихе Барбароссе. Складывается впечатление, что он был с ними знаком, – тонко улыбаясь, сказала Ляля.

– Мессир... – фыркнула Жанна.

– Да, это средневековое лангедокское обращение, – сказала Ляля. – Его использовал Данте в «Божественной комедии».

– Но Булгаков четко связал его с Воландом, – заявила Жанна.

– Булгаков... – фыркнула Ляля. – Он и обращение «донна» включил в свой роман. – И ехидно воспроизвела: – «Бриллиантовая донна».

– Тебе же раньше нравился роман «Мастер и Маргарита», – изумленно сказала Жанна.

– Я выросла, и он мне разонравился, – отрезала Ляля.

– И почему? – протянула прекрасная вологжанка Химичева.

– Историю Иешуа я никогда не любила, «Евангелие от Михаила» принять не могу.

– А очень многие любят именно роман в романе об Иешуа и Понтии Пилате, – уверенно сказала Зоя.

– Мне больше нравился бал «Ста королей», ведьма Маргарита, но, став старше, я поняла, что Булгаков написал чудовищную пародию на средневековый культ рыцарской куртуазной любви.

– Лилечка, ты это серьезно? – переспросила Зоя.

– Да, Зоя Алексеевна. Когда я изучила культуру Лангедока, прочла рыцарские романы двенадцатого века, я увидела, что Булгаков спародировал возвышенные отношения рыца-

ря-мессира и его донны.

– Лилька, что ты говоришь? – вскрикнула Жанна и бросила испытующий взгляд на заезжего французского аристократа.

– Судите сами, – твердо сказала Ляля. – Маргарите надоел муж, который заботился о ней, и она завела любовника, чтобы заботится о нем.

– Дело житейское, – невинно сказала Жанна, тараща на графа синие глаза.

– Но это пошло, – вскрикнула Ляля. – И эту пошлость Михаил Афанасьевич скрестил с восхищением проделками нечистой силы. Вы помните, что действие его романа разворачивается во время предпасхальной Страстной недели? И как вы оцениваете такое кощунство?

– Интересная точка зрения, напиши эссе, – сказала Зоя.

– Непременно, – девушка отпила глоток кофе и взглянула на сэра Луиса. Он с восхищением смотрел на нее, раздумывая, сверкающую зелеными глазами, открывающую близкому ей интеллектуальному кругу свое понимание одной из нашумевших книг прошлого века.

– Наш литературоведческий спор, наверное, непонятен твоему гостю, Лиля, – сказала Зоя. – Он же не читал этот роман.

– Не читал, но обязательно прочту, если есть его перевод на английский, – сказал граф.

– Вообще-то граф любит рыцарские романы, особенно

«Эрека и Энеиду», – сказала Ляля и вспомнила, как они говорили о любимых книгах на последнем привале по пути в Монсегюр. Тогда, в двенадцатом веке, вокруг них расстился зеленый альпийский луг, лошади паслись неподалеку, прохладный сладкий воздух обвеивал разгоряченные скачкой и спором лица спешившихся всадников. И тогда, и сейчас щеки ее пылали.

– А мне больше нравится роман Кретьена о Персевале и Святом Граале, – томно произнесла Жанна.

– Кретьен де Труа умер, не окончив его, – отрезала Ляля. Граф побледнел, глаза его сверкнули, как сапфиры.

– Где вы читали об этом, демуазель? – проговорил он обманчиво спокойным голосом.

– У Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха, – ответила Жанна. – Эти романы изданы в одном томе «Библиотеки всемирной литературы» и есть в массовых библиотеках.

– Грааль сейчас – весьма модная тема, его ищут до сих пор, – сказала Зоя.

– Ой, я обещала показать моему гостю Петропавловский собор, – вскрикнула Ляля. – Пойдемте, мессир.

– С вашего позволения, дамы, – рыцарь поднялся из-за стола и отодвинул стул Ляли. Она чмокнула Жанну в щеку, попрощалась с Зоей, взяла графа под руку, и они покинули кафе.

По Троицкому мосту они пронеслись как вихрь, распугивая прохожих. Ляля держалась за руку графа, сердце ее сжи-

малось. «Неужели он так стремится покинуть меня? Я люблю его! Он этого не чувствует?» – чуть не вырвался у нее стон на том месте, где они целовались два часа назад, но сила воли подавила голос растревоженного сердца. Рыцарь влек ее вперед. Благополучно миновав длинную переправу, он произнес:

– Донна Лилиана, объясните, почему стены этой крепости такие низкие, и поставлена она в низменном месте.

– Вы считаете меня специалисткой в европейской фортификации? – выдохнула она.

– Да, demuазель, вы видели мой Монсегюр, укрепления Тулузы, бывали в каменных крепостях своей земли, так что представляете развитие фортификации за последнюю тысячу лет.

Ляля вспыхнула – впервые надменный хозяин Монсегюра интересовался ее мнением по жизненно важному для него вопросу, в котором и сам прекрасно разбирался, повидав немало европейских и мусульманских укреплений.

– Крепость была создана для боев с участием артиллерии по проекту, основанному на разработках французского инженера семнадцатого века Вобана, – пояснила девушка, часто дыша. – Такие крепости не так легко захватить.

– А были попытки?

– Нет, нашу никогда не осаждали, не брали штурмом, – ответила Ляля. – Ее пушки держали под прицелом всю акваторию Невы и ближайший берег, откуда дорога ведет к Вы-

боргу.

– С кем воевал тогда ваш король?

– У нас был царь Петр Алексеевич, позднее прозванный Великим, а воевали мы со шведами, – ответила Ляля.

– И кто победил?

– Конечно, Россия, а Сенат в честь этой победы преподнес царю высочайший императорский титул. Мы идем к его гробнице, – продолжала девушка. – Сюда, монсеньор, сейчас мы купим билеты и войдем в собор.

– Я заплачу, – сказал граф. Тишина и полумрак встретили их под сводами императорской усыпальницы. Держась за руки, рыцарь и девушка медленно шли по центральному нефу мимо массивных мраморных пилонов.

– Эта базилика напоминает мне римскую Санта-Мария-Марджоре, – прошептал сэр Луис.

– Да, Сен-Сернен в Тулузе побольше будет, – шепнула в ответ Ляля и вспомнила момент своего метафизического пребывания в двенадцатом веке, когда ее впервые посетила мысль отыскать Святой Грааль. По дороге в Монсегюр она ощущала все возрастающее притяжение сакральной чаши и понимала, что идет верным путем. До сих пор она помнит это необыкновенное чувство – сладкую боль в солнечном сплетении, ведущую к цели. Но сейчас, продвигаясь по каменному полу с детства знакомого собора, она не замечала ничего подобного. У надгробия первого российского императора из серого Выборгского гранита они останови-

лись. Рука Ляли дрожала в руке графа, сердце ее сжималось от тоски и обиды. «Почему сэра Луис так стремится оставить меня?»

Девушка закрыла глаза, и чувства, которые она считала, оставленными в двенадцатом веке, нахлынули опять – тоска по дому и близким. Тогда она отчаянно стремилась домой к маме, поэтому и смогла найти дорогу к Святому Граалю. У сэра Луиса в двенадцатом веке остались дядя, замки и подданные, он хочет вернуться, чтобы предотвратить захват Монсегюра войском французских крестоносцев. Стремление домой рыцаря стало ей более понятно. Она жала его ладонь и взволнованно спросила:

– Милорд, вы что-нибудь чувствуете сейчас?

– Ветерок обдувает мою левую щеку, – незамедлительно ответил он.

– Вы правы, здесь прохладно, – хихикнув, сказала Ляля. – Но вы чувствуете эманацию Святого Грааля?

– Нет, а вы, демуазель?

– И я не чувствую, хотя в Монсегюре я ее ощущала вот здесь, – и девушка положила руку себе под грудь.

– Сердцем? – переспросил граф.

– Нет, это солнечное сплетение, говорят, здесь находится душа человека, – пояснила Ляля.

– Вот здесь? – уточнил рыцарь, дотронувшись до своей груди.

– Нет, здесь, – и Ляля чуть передвинула широкую ладонь

рыцаря. – Чувствуете? – переспросила она почти жалобно, не отнимая своей руки. Граф закрыл глаза и сосредоточился, честно пытаясь уловить след присутствия родовой чаши в сердце Петербурга, но почувствовал только тепло руки стоящей рядом девушки. Мгновения текли. Рыцарь открыл глаза. Ляля стояла совсем близко.

– Ну что? – выдохнула она.

– К сожалению...

Девушка убрала руку.

– Что ж, придется искать его в другом месте...

– Какие еще местные легенды вы знаете, demuазель? – спросил сэр Луис, когда они вышли из собора. Ляля на минуту задумалась и радостно выпалила:

– Валаам!

– У которого ослица заговорила? – удивился граф.

– Нет, – отмахнулась Ляля. – Так называется остров в Ладожском озере, монастырь там старше вас, мессир, десятого века.

– И что?

– Там в церкви на берегу есть копия камня Гроба Господня.

Граф побледнел:

– Когда можно будет посетить это святое место?

– Когда мы сделаем вам документы, – ответила Ляля. – Для поездки на теплоходе нужен паспорт.

Сэр Луис вздохнул.

– Вернутся мои родители, я попрошу помочь, – добавила, улыбаясь, девушка.

– А сейчас куда мы пойдем?

– На Дворцовую площадь, – Ляля взяла графа за руку.

– Ведите, demuазель.

Они прошли мимо Монетного двора, по мосту Строителей дошли до Биржи. Ляля, любящая свой город, обрушилась на золотоволосую голову сэра Луиса массу краеведческих сведений. Когда они вышли на Дворцовую площадь, голова крестоносца уже гудела. Ляля весело щебетала.

– Не хотите ли мороженого, донна Лилиана? – осторожно поинтересовался он.

– Крем-брюле, пожалуйста, – уточнила она. Получив свой стаканчик, девушка ступила на поребрик и пошла, держась за руку графа. Солнце сияет с безупречно голубого неба, ветер с Невы несет прохладу и раздувает русые волосы Ляли, выбившиеся из прически. Девушку пронзило острое ощущение, что все это уже было. Она вздрогнула. Конечно, ее сон в Тулузе после гибели графа Раймонда. Тогда она думала, что сэр Луис тоже погиб, отравлен. Ляля резко остановилась, рыцарь почувствовал, какими холодными стали ее пальцы в его ладони.

– Донна Лилиана?

– Я вспомнила Тулузу, – медленно произнесла она. – До сих пор не знаю, как я тогда выжила, думая, что вы погибли вместе с графом Раймондом.

– Меня не так уж легко убить, не бойтесь, донна Лилиана, – сказал, сверкнув зубами, сэр Луис. Она вернула ему улыбку. Зло, свершившееся в двенадцатом веке, не должно влиять на жизнь людей двадцать первого. Прошло столько времени, но крестоносец опять вошел в ее жизнь. Навсегда? «Он хочет оставить меня», – вспомнила Ляля, и ее глаза сверкнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.